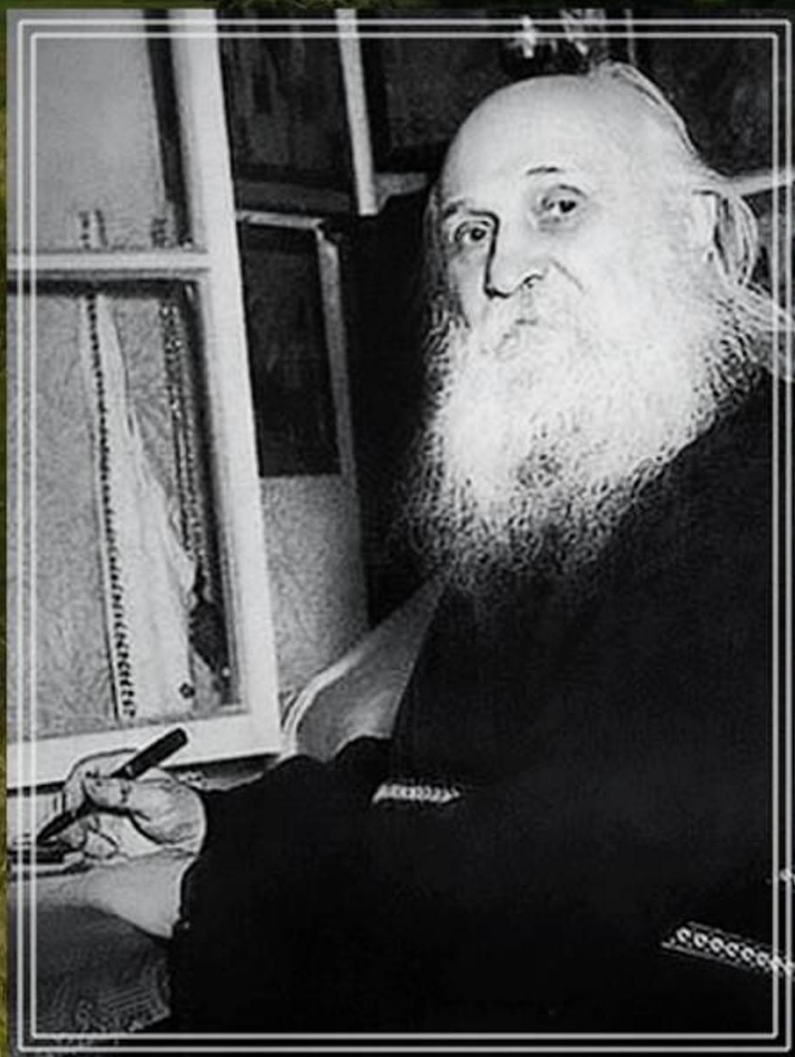

Ростислав Просветов

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА
(ФЕДЧЕНКОВА)
(1880-1961)

Ростислав Просветов

**Жизненный путь
митрополита Вениамина
(Федченкова). 1880–1961**

«Автор»

2026

Просветов Р.

Жизненный путь митрополита Вениамина (Федченкова). 1880—1961 / Р. Просветов — «Автор», 2026

Митрополит Вениамин (Федченков) выдающийся иерарх Русской Православной Церкви, замечательный писатель, глубокий мыслитель-богослов. Он был делегатом Поместного Собора 1917—1918 гг., епископом Белой армии, первым экзархом Московской Патриархии в Америке. В 1948 году Владыка вернулся на Родину, занимал Латвийскую, Ростовскую и Саратовскую кафедры. После увольнения на покой завершил свою жизнь в Успенском Псково-Печерском монастыре. Книга прослеживает весь его жизненный путь.

© Просветов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. В России	5
Глава 1. Семья, детство, вера (1880–1886)	5
Глава 2. Начальная школа, духовное училище (1886–1897)	11
Глава 3. Тамбовская духовная семинария (1897–1903)	16
Глава 4. Санкт-Петербургская духовная академия. Монашество (1903–1907)	19
Глава 5. Пастырская и педагогическая деятельность в Санкт-Петербурге (1908–1911)	27
Глава 6. Ректор Таврической и Тверской духовных семинарий (1912–1917)	32
Глава 7. Участие в Поместном Соборе Российской Православной Церкви (1917–1918)	40
Всеукраинский Церковный Собор в Киеве	48
Вторая сессия Всероссийского Поместного Собора: вопросы о церковном браке и духовных школах	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ростислав Просветов

Жизненный путь митрополита Вениамина (Федченкова). 1880–1961

Часть 1. В России

Глава 1. Семья, детство, вера (1880–1886)

На формирование каждого человека помимо его наследственности, воспитания и собственных подвигов влияет окружающий Божий мир. Поэтому, начиная жизнеописание владыки, мы должны обратиться не только к его родителям и воспитателям, но и к месту, где он вырос.

Деревня Ильинка, где родился будущий святитель, раскинулась немногочисленными домами по реке Вяжля, притоку реки Ворона, на юго-востоке обширной Тамбовской губернии. Древняя река Ворона (от угрофинского «лесная») еще в XIV веке служила границей между Рязанским княжеством и Ордой, между Рязанской и Сарской епархиями. Вслед за Вороной с севера на юг лесные чащи сменялись степными просторами с их мелкими, извилистыми речками. Река Вяжля, с ее илистым и вязким дном, как раз была одной из них. С востока на запад она крутилась узами мимо деревни святителя и впадала в Ворону, Ворона — в Хопер, а Хопер — в Дон.

Вязлинский край издревле был христианским. Его первые русские колонизаторы, монахи-чернецы, основали недалеко от впадения Вяжли в Ворону, монастырь, который впоследствии получил название Казанский Богородичный. В начале XVIII века обитель пришла в запустение и была упразднена. А в конце этого «просвещенного» века император Павел I за хорошую службу пожаловал земли по реке Вяжле двум братьям — вице-адмиралу Богдану и генерал-лейтенанту Абраму Боратынским. Большое, одноименное по реке селение — Вяжли — было поделено между их потомками. Так возникли: Марьянка, Софьянка, Варваринка, Натальевка, Ильинка и Сергиевка. Близ села Софьянки расположилось барское имение «Мара», воспетое в стихах поэта «пушкинской плеяды» Евгения Абрамовича Боратынского.

Имение Боратынских находилось чуть поодаль от крестьянских домов на правом берегу Вяжли, на возвышенности, которая была изрезана оврагами и овражками, наполненными родниками и ручьями. *«Красивые были места везде... — вспоминал святитель Вениамин. — Храм — прекрасный, в стиле Санкт-Петербургского Исаакиевского собора — был построен ими [Боратынскими] далеко от дома, ближе к селу и беднякам, чтобы удобнее было народу...»* Сюда из Смоленской губернии еще мальчиком лет 13-14-ти и был «переслан, как почтовая посылка» отец святителя — Афанасий Иванович Федченков.

Родители Афанасия Ивановича, Иван Ильич Таталья, были крепостными крестьянами и служили в родовом имении Боратынских «на дворе», то есть в помещичьем хозяйстве. Афанасий Иванович, с детства скромный и молчаливый, рано выучился читать и писать и, благодаря своей аккуратности, а также прекрасному почерку, был определен в писари и вскоре отслан «на перекладных» в тамбовское имение Боратынских. Тихий и методичный Афанасий Иванович был большим мастером. Он мог починить часы в барском доме, плотничал, столярничал, отлично косил и управлял молотилкой. Но более всего поражал будущего святителя интерес отца к звездному небу: он знал имена многих созвездий и объяснял их своим детям. Ему, уже взрослому человеку тридцати трех лет, была определена в супруги молодая девятнадцатилет-

няя дочь дьякона села Софьинка Наталья Николаевна Оржевская (ок. 1858 г.р.). Фамилия ее, как это бывало часто с низшими церковными клириками, происходила от села Оржевка, которое располагалось в том же Кирсановском уезде Тамбовской губернии, чуть севернее.

Афанасий Иванович носил усы, а после отпустил и небольшую бородку. Наталья Николаевна имела тяжелую косу. Он был блондин, она — шатенка.

Наталья Николаевна принадлежала к свободному, духовному сословию. Дед ее тоже был дьяконом, и мать — дочерью дьякона. Примечательно, что отец Натальи Николаевны — Николай Васильевич — женился не по собственному выбору, а по родительской воле. Так обычно делалось в старину в простых сельских семьях и духовенстве. *«И какой мудрый был выбор, — отмечал святитель. — Дедушка был не совсем мирного характера»*. Доход у дьякона в селе был небольшой, и отец Николай завел пасечник в несколько сот ульев. Вскоре пристрастился к вину: «торговля, меды да браги». На приходской службе тоже часто выпивали в праздники. Бывало, бил и гнал из дома детей, терзал жену. *«И вот такому беспокойному жениху Господь послал смиреннейшую жену Надежду. И она никогда не жаловалась, никогда не судилась на дедушку: всегда была тихая-претихая, молчаливая и кроткая, — пишет святитель. — Никто никогда не видел ее сердитой или недовольной. Кротчайшее существо. Могу сказать: святая!»* Такова была бабушка будущего святителя.

От винопития отец Николай погубил свой рассудок и последние 18 лет жизни, а умер он 71-72-х лет, впал в тихое «детство». Жил то у одной своей дочери — Натальи Николаевны, то у другой — Анны, бывшей замужем за зажиточным псаломщиком Яковом Николаевичем Соколовым.

Имелась у Оржевских и третья дочь — Евдокия. *«Святая была и она, — вспоминает святитель Вениамин, — как и бабушка, бывало, по один-два часа вечером молилась. Тихая, кроткая и богомольная! Такой она уродилась в бабушку нашу. И сейчас она стоит в моих глазах — пред иконами, высокая, тонкая; и долго молится»*. Мужем ее был управляющий имением в селе Градский Умёт Кирсановского уезда Кузьма Васильевич Богачёв, у которого тоже «был совсем иной характер»... Семьи тесно общались, так как Умёт располагался немногим далее на восток от Ильинки по реке Вяжле.

Если отец святителя, Афанасий Иванович, больше отличался созерцательностью и некоторым мистицизмом, то Наталья Николаевна была во всем практична. Она взвалила на себя домашнее хозяйство и, как необычайно сильная духом женщина, главенствовала в семье.

Вскоре у Федченковых появился на свет их первенец — сын Михаил (1878). Будущий святитель родился вторым ребенком 2 сентября (по старому стилю) 1880 года в день памяти святых преподобных Антония и Феодосия Печерских. Младенец выглядел болезненным, и его поспешили крестить в тот же день. А поскольку тогда была и память преподобного Иоанна Постника, патриарха Цареградского, то нарекли его Иваном. Возможно, таким образом хотели почтить и память отца Афанасия Ивановича, который остался в далекой Смоленской губернии.

Крестными родителями Вани стали Михаил Андреевич Заверячев, назначенный в тот же год управляющим имением в Ильинке вместо своего умершего родителя Андрея Нестеровича, и умётская родная сестра Натальи Николаевны — Евдокия. После родились еще Александр (14 авг. 1882), Надежда (1886), Сергей (8 нояб. 1887) и Елизавета (1894).

Энергии Натальи Николаевны, по словам святителя, хватило бы на трех матерей: *«Нет никакого сомнения, что воспитанием всех нас, шестерых детей, из которых трое получили образование в высших учебных заведениях, а трое — в средних, мы обязаны больше всего нашей могучей матери. Отец наш, добрая душа, лишь помогал ей в этом, конечно, тоже с радостью. Царство им Небесное за одно это!»*

Характер Натальи Николаевны отражала даже ее походка: *«Прямая, немного подняв голову и устремивши грудь вперед, быстро и энергично [она] шла точно на борьбу, а иногда еще по-мужски складывала руки назад. Иной раз, идя, наклонит голову вниз и о чем-то*

думает, думает... Конечно, о жизни, да о нас, дорогих ей детях», — вспоминал святитель. За своих детей Наталья Николаевна постилась не только в среду и пятницу, но и в понедельник — «понедельничала». Но от детей это скрывала. Открылось лишь потом, когда они выросли.

Христианское сердце Натальи Николаевны всегда склонялось жалостью и любовью к несчастным, обездоленным и нищим, «Божьим людям». Привечала она «одного такого полуглупенького Кузьму Иваныча, ходившего без шапки с растрепанными рыжими длинными волосами, с двумя перекрестными мешками за плечами: один — для "кусков" (хлеба), другой — для муки. Бывало, зазовет его, покормит горячими щами или кашей, поговорит с ним дружески и даст еще чего-нибудь в мешок, а то и заплачет вместе с ним. Кузьма Иваныч не жаловался: и дождь, и снег, и жар — все терпел равнодушно, точно птица».

Такое сердобольство передалось ей, видимо, от матери — Надежды Васильевны. Именно с бабушкой у владыки связано самое первое детское воспоминание, когда он двух или трех лет делил с ней «пополам» душистые яблоки из чулана. Вот как он вспоминает об этом: *«В чулане у нас летом была корзина купленных яблок. Бабушка водила меня туда, и я с трудом перетаскивал свои ноженьки через порог. Она начинала выбирать для меня послаще, скороспелку пресную, а для большей верности сначала надкусывала ее сама и, давая мне, приговаривала: "Мы с тобой уж пополам". И когда мне хотелось еще яблок, я ласково просил ее: "Бабушка, пойдем пополам". И мы опять делили, но не пополам, мне много больше».*

И снова писал о ней: *«Преданная, смиренная, благочестивая, чистая, терпеливая, молчальница. Никто никогда не видел ее сердитой или недовольной. Кротчайшее существо было. Могу сказать: святая!»*

Бабушка с малых лет стала водить его в церковь, а после ее скорой кончины, Ваня бегал уже в храм один. *«Не знаю почему, — вспоминал он, — но из шестерых детей я с самого детства больше других полюбил церковь».* Когда хоронили Надежду Васильевну, он нес до храма иконочку перед ее гробом. А впоследствии повторял: *«Верую, что она, несомненно, угодница Божия, святая женщина в миру. Постоянно поминаю я ее на службах. А в трудные минуты своей жизни молюсь я ей, прошу небесного заступления ее пред Богом...»* В таком окружении рос маленький Ваня. Через полгода скончался и дедушка, о. Николай Оржевский, который жил в то время у своей дочери Евдокии в Умёте.

Вот такая благочестивая «дружина» из святых жен была у будущего святителя. Он так и напишет в своем труде о жизни и подвигах другого Иоанна — св. прав. Иоанна Кронштадтского, которого почитал всю свою жизнь: *«Кто не знает о чудных бабушках и матерях: св. Макрины и св. Емилии у Василия Великого, у его братьев — Григория Нисского и Петра Севастийского и сестры Макрины? Кто не слышал о родителях св. Григория Богослова — Григории и Нонне?! Всем известна Анфуса, мать Златоуста, про которую язычник с восхищением сказал: какие у христиан женщины!!! А Моника, вымолившая у Бога своего грешного сына Августина?! А св. Кирилл и Мария, преподобные родители Сергия Радонежского?! А Агафия — мать св. Серафима Саровского?! А благочестивая "дружина", как говорится на славянском языке, благочестивого священника, отца славного епископа Феофана Затворника?! И многие, многие другие...»*

В такой семейной обстановке подрастал и воспитывался будущий святитель. *«Никакого иного общества, кроме собственного крестьянского, ни у наших родителей, ни у деревни не было в моем детстве, — писал он. — Никого они, кроме местных людей, не видели, книг и газет не читали, господа жили совершенно особенно. И оставалось одно "общественное" влияние — той семьи, в которой рождались и жили. И эта семья — у нас ли или у других — и была, собственно, главной воспитательной силой и учительницей».*

Но невозможно жить лишь в своей семье и никак не соприкасаться с внешним миром. Семья Федченковых принадлежала к так называемой «дворне». *«Ни мы сами себя, ни даже земледельцы-крестьяне нас не очень высоко почитали, — вспоминал владыка, — так что*

слово "дворян" произносилось скорее с неуважением, хотя мы, собственно, составляли уже промежуточный слой между высшим, недостижимым классом "господ" и "крестьян", "мужиков"».

Жили в одной небольшой избе, точнее в третьей части длинного флигеля, где была лишь одна комната. Другая третья часть ее до печи была отгорожена перегородкой под кухню. Там же была и столовая, то есть стол для обеда и скамья. В главной части комнаты, которую называли «залой», стояла единственная кровать с периной, стол, три-четыре стула и комод для одежды, да еще горшки с цветами под окном. В углу, конечно, много икон с лампадкой; в кухне — для молитвы перед пищей и после — висела одна, без лампадки. На постели обычно спала мать с младенцами, отец на печке, а все прочие — на полу, подстлав шерстяной войлок. Было так тесно, что и пройти мимо трудно. *«Но мы, — вспоминает святитель, — не замечали этой тесноты, нам казалось — столько и нужно. Никто даже не обращал внимания и не жаловался. Спали безмятежно и сладко, насколько не хуже любых богачей».*

«Перед нашим флигелем, — продолжает владыка, — вниз, за рекою, полукругом растянулся большой сельский луг. Весною его заливало водою: трава там была хорошая».

Ближайший храм располагался примерно в двух километрах, в селе Сергиевка. Выстроен он был на средства Чичерина, местного помещика, вместо сгоревшей ранее деревянной Покровской церкви и освящен в честь Воскресения Господня.

Бабушка подводила маленького Ваню к причастию Святых Таин. *«Тогда на меня надевали чистенькую цветную рубашечку, помню — летом — и это тоже нравилось мне. Впечатления от святого Причащения в этом раннем детстве не помню; но помню: оставалось лишь легкое впечатление — мира и тихого, благоговейного, молчаливого, собранного торжества: точно я становился на этот раз взрослым, серьезным».*

Чуть позже Ваня стал в этом храме певчим. *«Как сейчас особенно ярко вспоминаю чудный летний день. Суббота. В этот день у нас спевка для службы. Место сбора — барский дом Чичериных, в двух верстах от нас. Мать надевает на меня все чистенькое — к господам иду! Мне лет восемь-девять. Вбегаю на взгорье: вправо — конюшня, пробегаю имение, минуя развалившуюся "кирпичную"... И перед моим взором чудная картина — впереди чичеринская роща. Направо от нее наш кирпично-красный храм с отдельной колокольней, на ней главный колокол в 98 пудов, а кругом меня и без конца поля, поля — поля с колосающейся рожью "нашего" имения. Небо ясно. Солнце греет. Ветерок обдувает. И я бегу, бегу весело. Счастлив, как жаворонок в небе... Чист, как ангел, ни о чем не думается... Радостно наслаждаешься Божиим миром...»*

Особенная радость охватывала мальчика на праздники. *«Вот помню самое обыкновенное летнее воскресенье. Настроение праздника начинается еще с вечера субботы. Как-то мы ловили в реке рыбу или раков. Над нами высился крутой глинистый желтый берег. Еще выше в гору стоял храм. Было к вечеру. Вдруг раздался первый удар в большой колокол и стих постепенно. У меня сразу повеселело на душе». «И все были веселы, радостны, довольны. Никаких "проклятых" вопросов и тяжелых дум тогда не было...» «Да, великое утешение получали люди от Церкви. Даже и самое здание храма веселило их: жили в маленьких избушках, а церковь — красивая, там и служба в "золотых" ризах, и пение певчих, и иконы, и свечи, и пахучий ладан, и звон колоколов. Церковь встречает младенца, венчает его молодого, отпевает состарившегося, везде с ним — и в радости, и в горе». Несмотря на то что в жизни и не все были равны, но равны были перед Богом и встречались все в одном храме: «все одинаково каялись в грехах перед общим духовником, причащались из одной Чаши, стояли рядом в одном храме, молились одному Богу и ревностно ожидали одной участи — смерти, хотя и на разных кладбищах».*

Конечно, о социальном неравенстве святитель знал с самого раннего детства. Собственно, он воочию наблюдал жизнь двух социальных миров. Один — крестьянский, с его размеренным сельскохозяйственным укладом, другой — мир господ, недостижимый для простых людей.

«Впервые я имел волшебное счастье попасть в дом Боратынских, когда мне было года три-четыре, — пишет святитель. — Господá (я помню лишь единственный этот случай) на святки устраивали своим детям елку и, вероятно, после них приглашали на нее и детей двора с родителями, заготовив для них "гостинцы" — сладости. Это было зимним вечером. Чтобы довезти нас до барского дома и отвезти обратно домой, нам дали с конюшни "буланку" с санями. Звездное небо, искрящийся снег, скрип санных полозьев, вся эта красота и сейчас стоит перед моим взором, как живая. Но когда нас провели в барский зал, то я от восторга не знал, где я, не в раю ли? "Невероятно" высокие потолки, красивое убранство зала, "необыкновенные существа" — господа, такие все красивые и нарядные, все улыбаются. И среди всей этой волшебной-сказочной прелести еще огромная елка до потолка: с зажженными, мерцающими свечами, серебристыми нитями, со звездами, игрушками, сладостями. Нас водили хороводом вокруг нее... Потом раздали подарки, и буланка доставила нас с "неба на землю". Кажется, я и спал еще в очаровании, большие уже никогда не повторившемся в такой яркой силе красоты...»

Светлая картина раннего детства владыки вскоре сменилась другой, тяжелой, тревожной и трудовой, когда семья, потеряв место в имении, должна была в буквальном смысле выживать. Это были годы жестокой экономии, кропотливого труда и обучения детей. Однако прежде чем перейти к этим трагическим дням, нужно упомянуть еще о нескольких знаменательных моментах.

Господь, по неизъяснимому своему Промыслу, часто попускает в жизни святых случаться тяжелым болезням или подвергаться какой-либо смертельной опасности. Известны они и в жизни святителя Вениамина. Когда Ване Федченкову было около полутора лет, он опасно заболел воспалением легких. Болезнь протекала так тяжело, что мать дала обет: в случае, если сын останется жив, сходить с ним вместе на поклонение мощам святителя Митрофана Воронежского. Вскоре младенец выздоровел, и спустя какое-то время Наталья Николаевна отправилась с ним в паломничество. О том, что случилось далее, святитель узнал уже через много лет от своей сестры Надежды: *«Мать стояла в храме св. Митрофана. Мимо нее проходил какой-то сторож-монах. Я, младенец, вертелся (а может быть, и чинно стоял) возле матери. Он, должно быть, благословил нас, а обо мне сказал: "Он будет святитель!" И мать мне никогда об этом не говорила. А перед смертью завещала положить мою фотографию (передавала та же сестра) в гроб».*

Другой случай произошел, когда Ване было уже около четырех лет. Дом их располагался неподалеку от реки Вяжли, и он вместе со своим братом Мишей отпросился у родителей искупаться. *«Миша, держась за плот, зашел дальше от берега, — вспоминал святитель. — Я, будучи ниже его ростом, стал рядом с ним, ближе к берегу. Мама стирала белье, то полоща его в воде, то ударяя вальком. А мы, держась ручонками за доски плота, увеличивали еще шум болтанием ног. Мама стояла лицом к реке, а мы по правую сторону плота, так что она даже не смотрела на нас. Тут вдруг мне пришла в голову тицеславная мысль: "Хотя я и меньше Миши, а вот смогу зайти в воду дальше его". Для этого я отпустил правую руку свою, пододвинулся, держась одной левой, к брату и потом, сзади его, протянул правую руку, чтобы ухватиться за плот далее его. Доставая нужное место, я отпустил левую руку. Но в это время соскочила и правая рука, и я камнем в воду. Там, где старшему брату было по шею, мне было уже до носа, а дальше его — с головою. Брат продолжал, видимо, болтать ногами и не подозревал беды. Мать делала свое дело. Что случилось дальше — мне неизвестно. Помню лишь, очнувшись я в люльке. Оказывается, меня уже откачали. Сколько я пробыл в воде — не знаю, и спросить теперь некого: все умерли. Брат ли сказал матери, или она сама заметила мою пропажу — не знаю. Кинулась в воду, стала меня искать. Река наша тихая и мелкая. Сразу вытащили меня, но я уже был без сознания и не дышал. Сейчас же домой... И уж кто их с отцом научил, но как-то они начали откачивать воду из моих легких. И откачали. Я же*

совершенно не помню и никогда не помнил, что я чувствовал, когда утонул. Будто бы просто в ту же секунду меня точно не стало: ни мук, ни сознания не помню...»

Когда Ване было уже лет восемь-девять, у него в реке свело обе ноги судорогой и они опустились вниз точно плети. Не потеряв присутствия духа, мальчик с большим усилием доплыл все же до берега, работая лишь одними руками. Тонул он и в реке Вороне, нырнув так глубоко, что еле-еле выплыл на поверхность, наглотавшись при этом воды вдоволь. Тонул и в старом устье тамбовской реки Цны, когда, будучи семинаристом, провалился сквозь только что замерзший лед. *«Тут меня спасла ишинель, которая распустилась зонтом по льду над провалом, и я осторожно выполз. Рядом была теплая изба на столбах, где женщины зимою мыли белье. Я вбежал туда... А возле, на горе, стояла и семинария».*

Последний, пятый, раз он тонул уже студентом Духовной академии. Летом вместе с родственниками Ваня возвращался из села Доброе Лебедянского уезда Тамбовской губернии, где гостил у брата, молодого священника о. Александра. Возле села протекала та же река — Ворона. В этом месте огромная искусственная плотина большим полукругом останавливала воду для стоявшей неподалеку мельницы. Иван с братом Сергеем решили переплыть реку. Поплыли на спине, держа свою одежду в левой руке. Но не учли того, что, отгребая одной рукой, невольно делали полукруг, а потому только увеличивали и без того большое расстояние. На полпути силы оставили Ивана, и он начал тонуть. Что делать? Брат Сергей в это время был далеко и уже греб двумя руками, подобрав вещи под подбородок. А у Ивана в узелке были все деньги на дорогу. Бросать нельзя. Оставалось только кричать: «Караул, тону!» На крик подоспели люди, которые отвязали лодку и бросились на помощь. Тут оставалось лишь продержаться на плаву и, уцепившись затем за лодку, добраться до берега. После святитель часто вспоминал об этом своем спасении: *«И всякий раз мне припоминался мужичок с лошадью [встретивший их ранее на берегу] и его благословение нас именем Божиим: "Спаси вас Христос!". Я верую доселе: это оно, имя Господне, спасло нас от явной смерти. Чудно имя Господне!»*

Заглянув за край земной жизни, святитель, несомненно, только укрепил свою веру в Спасителя и Его благой Промысл. И эту веру он сохранил до самой кончины (2 Тим. 4, 7).

Глава 2. Начальная школа, духовное училище (1886–1897)

«Первая школа моя была, как и у всех, в семье», — вспоминает святитель. В возрасте около четырех лет по имевшейся дома азбуке с картинками и побасенкам выучился грамоте. К шести годам уже не только читал, но и писал, знал главные молитвы и библейские истории. А к концу шестого года вместе со своим братом Михаилом стал посещать школу, которая располагалась в соседнем селе Сергиевка. Школа была выстроена для детей округи и содержалась супругой Владимира Николаевича Чичерина — Софьей Сергеевной (в девичестве — Боратынской). Обучение в ней длилось четыре года, и главными «предметами» были славянская и гражданская азбука, основы чтения и письма. Федченковых приняли сразу во второй класс, так как грамоту они уже знали. Кроме обучения, здесь также кормили и обедом: *«Многие из нас лишь в школе и видели мясо»*, — вспоминает владыка.

В это время в семье случилась большая беда. В связи с разделом имения Афанасий Иванович, прослуживший конторщиком у господ Боратынских 33 года, внезапно лишился места. *«Кажется, это было первое горе и в нашей семье, и в моей жизни»*. Надо отдать должное господам, *«они подарили нам ту избу, то есть часть флигеля, где мы жили»*. Сосед-ключник умер, а потому и другая часть флигеля была полностью отдана в распоряжение большой семьи. Однако земли своей не было. *«Куда идти? Чем жить? Кому какое дело? Каждый думает лишь о себе...»*

Афанасий Иванович, помимо бесплатного помещения, ранее получал от господ месячную плату. *«Например, на моей уже памяти, — пишет святитель, — наша семья получала два пуда муки, полмеры пшена, керосин и соль; и, вероятно, солому и сено для коровы. А сверх всего — 22 с половиной рубля (почему такая дробь — не знаю). <...> Вероятно, была какая-нибудь скромная плата помимо "месячного"»*. И вот теперь всего этого семья лишилась. *«Ни клочка земли нет, ни ремесла отец не знает, кроме письмоводства»*.

Тем же летом Афанасий Иванович арендовал небольшой участок земли, где начал выращивать арбузы, дыни и огурцы. Первый год оказался урожайным, и семья получила приличный доход. Но на следующий год из-за холеры овощей никто не покупал, и случился убыток. Оставалось искать другой заработок. Отец устроился помощником церковного старосты и арендовал одну десятину под рожь, чтобы иметь свой хлеб. *«И вся наша семья, — пишет святитель, — никогда прежде не работавшая на поле, занималась теперь и этим. Летом мы пасли двух своих коров. Но все же и этого не доставало на прожитие восьми душ»*.

Беда не приходит одна. Вскоре сестра Натальи Николаевны Евдокия умерла, а ее одинокий супруг лишился места и вместе с четырьмя детьми-сиротами переехал из Умёта на несколько месяцев к Федченковым. *«И вот тут особенно тяжело стало»*. *«Бывало, сидим все на печи (топили мало, всё берегли). Отец что-то читает молча, мать вяжет, и горькие слезы бегут ручьями из ее глаз. Мы жутко тоже молчим... Ох! Тяжкое время было! Близкое к трагическому ужасу... Да, бедность нелегко переносить, иногда отчаяние подкрадывается к душе обездоленных людей. Хорошо еще, что наша семья была всегда верующей, и это облегчало нам нести страдания...»* Не дай Бог кому пережить.

За последующие два года отношения между супругами крайне обострились. Доходило до того, что Наталья Николаевна держала около себя топор *«и говорила мужу, что если прикоснешься ко мне, то конец твоей жизни»*. *«Со временем, по благодати Божией, все это прошло, и они вновь зажили дружно»*, — рассказывал владыка. А о тех тяжелых временах даже и не хотел вспоминать. Лишь упоминал, как в последний раз посещая семью весной 1918 года, мать, между прочим, сказала ему со слезами: *«— Трудно нам жилось! Но одно лишь скажу: отец у вас был святой! — Почему — святой? — Уж очень терпелив был: во всю жизнь свою никогда не роптал»*.

Чтобы как-то свести концы с концами, Наталья Николаевна приняла непростое решение и арендовала в селе право торговать вином. *«Выгодное это было дело, — пишет святитель, — но ужасно соблазнительное: постоянно пьяные вокруг, брань, драки и, конечно, уже грешное дело. Мне из детей особенно было неприятно, но иначе жить было нечем».* Через два года появился конкурент, который за право торговли предлагал сельскому обществу цену выше. Посоветовавшись с сыном Иваном, который *«был тогда болен, лежал в лихорадке»*, Наталья Николаевна отказалась от торговли. А вскоре отца пригласили конторщиком в село Софьинку за 12 рублей в месяц. *«Так раздельно мы жили опять несколько месяцев».*

Три года обучения в Сергиевской школе подходили к концу. Старшего, Михаила, «выпустили на экзамен», а Ивана оставили еще на один год, так как в 9 лет *«не полагалось допускать до экзамена и выдавать свидетельство».* *«И добрый учитель [Илья Иванович] занимался со мною одним особенно: синтаксисом, чтением книг и чуть ли даже не дробями, а кроме того, иногда поручал мне, малышу, помогать ему учить других, особенно новичков. Так и это все пошло мне на пользу».*

Через некоторое время Афанасий Иванович получил в Софьинке маленький домик, и вся семья переехала туда. Село располагалось чуть ближе к городу Кирсанову, и родители решили отдать Михаила и Ивана в уездное училище. Обучение там было трехлетним. *«Оттуда были неширокие пути, — пишет владыка. — Телеграфистом на почту (мне нравилась их форма с "золотыми" пуговицами!); писцом в контору; может быть, волостным писарем в селе, ну и — куда судьба загонит».*

Конечно, мать думала о другом пути для своих детей. И, будучи дочерью дьякона, всегда желала, чтобы кто-нибудь из них предстоял у престола Божия, стал священником. Помимо молитвенника в семье, мать заботилась и о будущем благосостоянии сыновей. Ведь у священника уже совсем другое положение в обществе, другой уровень жизни. Сам святитель вспоминал, как на ежегодную большую ярмарку в день празднования Казанской иконы Божией Матери в Софьинке он ребенком посещал дом местного священника, родственника матери. *«Как мне все казалось красивым и богатым в "поповском" доме! Несколько комнат. Чистая зала с самотканými разноцветными вышитыми "дорожками" на полу, "женская" мебель из Кирсанова, цветы на окошках, большой, покрытый белой скатертью стол для обеда, и казеду своя тарелка (дома мы "хлебали" всегда из общей "чаши"). А уж о пище и говорить нечего! Кухня отдельно. А дальше вниз огород со зрелой малиной».* Просто чудо!

Однако, чтобы стать священником, нужно было сначала поступить в духовное училище в губернском городе Тамбове, а затем окончить еще и семинарию. Без твердой почвы под ногами и свободных денежных средств Наталья Николаевна могла об этом для своих сыновей только мечтать. Чтобы осуществить задуманное и иметь возможность платить за обучение детей, она пошла работать коровницей у тех же господ Боратынских, двух благочестивых старушек, живущих в имении. *«Это лишь легко сказать сейчас, — вспоминает святитель, — а дело было очень трудное. Чуть еще начинает светать, мать должна была бежать на "варон" (скотный двор). И там одна, без помощниц, выдаивала с десятков барских коров, да свою буренку. Потом все это убиралось в денник (погреб). Мать делала для господ масло, простоквашу, сливки, творог и прочее и носила в господский дом».*

Мальчики же продолжали свое обучение в Кирсановском уездном училище. И здесь без строгого надзора и вдали от дома стали чаще лениться. Уходило и благочестие... *«Научили нас курить табак — почти все курили. Вообще атмосфера городских школьников была неважная, даже дурная, сельские были не в пример лучше»*, — вспоминал владыка. Мать вскоре узнала об их поведении и в следующие каникулы строго наказала. В масленицу Наталья Николаевна поставила их на колени перед иконами, пока все другие ели блины. *«Потом простила. От стыда мы залезли на печь, а она, мать — всегда мать, стала подавать нам и блины, и сметану, и масло туда же. Курить перестали».* Михаил вновь потом начал, но Иван усвоил урок.

Помимо учебы, он пел в церковном хоре в огромном городском Успенском соборе. Но один раз проспал службу и постыдился вернуться...

По прошествии двух лет обучения в Кирсановском училище Наталья Николаевна наконец решила отдать Ивана в духовное училище в Тамбове. Старший, Михаил, поступил по окончании Кирсановского в фельдшерское училище, которое благополучно закончил. Сестра Надежда впоследствии также училась в Тамбове в учительской школе; Александр по стопам брата Ивана окончил духовное училище, семинарию и стал священником; а Сергей после окончания семинарии, как и старший брат, закончил еще и Санкт-Петербургскую духовную академию; Елизавета после гимназии (с медалью) окончила Высшие Бестужевские женские курсы в Петербурге, вышла замуж за директора Кирсановской женской гимназии и стала заслуженным учителем. Все в итоге получили образование. Но какими усилиями!

Чтобы подготовиться к поступлению в Тамбовское духовное училище, Иван раз в неделю отправлялся из Софьинки в Кирсанов к местному законоучителю, протоиерею Иоанну Ландышеву. *«И вот по вторникам — день базарный, можно было иногда с попутчиками подъехать — я каждую неделю отправлялся в город»,* — вспоминал владыка. Едва ли о. Иоанн занимался с Ваней больше получаса. Назад уже никто его не подвозил, потому что еще рано было, все на базаре. *«А я бегу по полям и никогда по дороге, которая делала крючок, а прямо полем, уже тогда скошенным; вижу далеко впереди ту самую одинокую мельницу без крыльев у кладбища и напрямик лечу к ней. И не уставал, не тяготился... Душа-то была еще ангельская, небитая, а маленькие горести забывались. И так — каждый вторник. Лето промчалось очень скоро»*. Уже в августе, после праздника Успения, они с матерью отправились в Тамбов, поступать в духовное училище.

Невозможно описать, сколько трудов и средств было положено Натальей Николаевной, чтобы добраться до губернского города, узнать правила поступления в духовное училище, а затем еще раз приехать за неделю до поступления, оставить сына на постоянном дворе и вновь вернуться к своему хозяйству! И вот, наконец, приехать на строгий суд экзаменационной комиссии и обливаться слезами. Потому как кому нужен здесь мальчик из крестьян, решивший идти по духовной стезе? Своих, «поповских», детей достаточно. Уже и одно духовное училище не вмещало их всех, учредили второе. В него-то и собирался поступать Ваня. Но тут же и «срезался». Не знаешь всех иудейских царей, не по той книжке готовился, не подходишь. *«Не по Сеньке шапка»*. Страшно стало и обидно Ивану не столько за себя, сколько за мать, столько пережившую. *«И я, набрав откуда-то смелости, громко, во всеуслышание сказал ей: "Мама, пойдем отсюда!" — то есть от таких нехороших людей»,* — подробно и ярко вспоминает об этом владыка.

Бросились в первое училище. Там преподаватели отнеслись уже хорошо к бедным пошехонцам [простакам]. Диктант на отлично, библейская история на отлично, математика на отлично. И вдруг отвечать времена церковнославянского языка. А мальчику до того никто не говорил, что это надо учить. Мать снова в слезы. Нельзя ли на класс ниже? Нет! К тому времени Ивану шел уже тринадцатый год. Он и так для одноклассников казался переростком. Но все же в виде исключения из правил его приняли. В первом училище знания давали хорошие, и это все пригодилось впоследствии.

Мать заплатила первый взнос за обучение и общежитие, так как от оплаты были освобождены только дети духовенства. И в 1893 году началось длительное богословское образование будущего святителя. Почти шесть лет подготовки позволили ему довольно легко учиться в первом классе «строгого» училища и выйти к концу обучения в первые ученики.

Деревянные учебные корпуса и общежитие для воспитанников духовного училища располагались на берегу реки Цны. Новый кирпичный корпус только еще решено было возвести. Но мальчика не тяготили бытовые трудности. Перед ним открывалась большая дорога.

«Вот я — маленький школьник духовного училища. Учение началось лишь две недели. Все мне ново и интересно: и в "огромном" губернском городе, и на чинных уроках в школе, и в училищном храме, где так хорошо поют и служат, где все чисто убрано, светят лампы... — вспоминал он. — Приближается праздник Рождества Богородицы. Это — первый праздник в году училищной жизни... Подчистишься, вымоешься... Идем парочками из "своекоштного" [т. е. за свой счет. — Прим. ред.] общежития в храм училища. Еще остается минут 15—20 до всенощной. Всюду оживление и радость... Праздник... И, конечно, мы не вникали в песнопения и смысл богослужения. А радость была яркая. Что-то точно грело душу. Будто бы кто лампаду засветил в сердце... Звонок. Идем в храм. Становимся рядами. Тишина... Уже темнеет: шесть часов вечера. Лампады и свечи приветливо мигают живыми огнями. Открываются царские врата... Начинается служба. Поют хорошо: "большие" (то есть басы и тенора) — из семинарии богословы. Солідные. Отлично одетые, как большие: в черных сюртуках, в накрахмаленных рубашках с галстуками. Сзади выпускников — семьи преподавателей и их сродников. И все так мирно и чинно. <...> И не замечаешь, как проходит всенощная. А утром опять радостно бежишь к службе. Литургия опять проходит незаметно-отрадно. И весь день праздничное настроение... Даже к вечеру, когда на занятиях (то есть часах) все собраны по комнатам учить уроки за общими столами, и тогда еще на душе остается тепло от проходящего праздника. А там через несколько дней будет другой праздник — Воздвижение Креста... Снова будет радость... И так от праздника до праздника... А кроме того, всякую неделю бывал праздник Воскресения. И никогда-то, никогда я не тяготился службами... Да можно ли тяготиться радостью?! А ее очень хорошо знало чистое детское сердце. Благодать Божия освещала, и освящала, и радовала душу».

Так проходило духовное обучение будущего святителя в любви к Церкви и в Церкви.

Но вслед за радостью пришло искушение. Мальчика вдруг посетило сомнение. А что если только в школе учат, что есть Бог? И как раз не безумцы говорят: «Нет Бога» (Пс. 13), а умные-то люди и бывают не верующими?! «Мне было лет 13 тогда... — вспоминает святитель. — Я не мог справиться сам с этим сомнением. <...> За тем, увидел я, что такие речи "нет Бога" — совсем не от "ума", а от "сердца": "рече безумен в сердце своем" (ст. 1). И наконец, это находится в прямой зависимости от растления души: "все соvertedись... все растлились; несть творящего добро" (ст. 3). <...> Тогда, — продолжает владыка, — в ангельском детстве и отрочестве, "сердце" хотело веры, радовалось ей; и наоборот, не хотело неверия, инстинктивно отталкивалось от этой лжи и огорчалось даже сомнениями. Даже и сейчас печально за такое искушение». Оно прошло и изгладилось. Но воспоминание об этом первом внутреннем мучении осталось.

За мягкое сердце товарищи в училище дали Ване прозвище Пуэлия, что с латинского puella означало «девочка». Конечно, для мальчика это казалось особенно обидным прозвищем. «Я разве, может быть, — вспоминал святитель, — был лишь более чувствителен сердцем да благонравнее других, но немного. Или же я был не таков, как ныне, а с "мокрыми глазами" от природы?»

Характерен случай: когда заболел царь-император Александр III, то «мы, — пишет владыка, — ежедневно бегали на угол улицы читать бюллетени; трепетали за его жизнь как за родного отца... И вот он скончался. Мы молились. Боже! Как я рыдал!...» Обливался слезами Ваня и на похоронах инспектора семинарии. Отсюда, видимо, и прозвище.

Однако обучение шло своим чередом. Во 2-м классе духовного училища изучали сокращенный катехизис, начальную российскую грамматику, четыре правила арифметики, чтение. В 3-м и 4-м классах прибавлялись: Священная история, пространный катехизис, церковный Устав, российская и славянская грамматика, латинский и греческий языки, арифметика, церковный обиход и партесное пение, география. К концу века в программе обучения еще появи-

лись новые языки (французский, немецкий), черчение, природоведение, церковная и гражданская история России.

В 4-м классе училища Иван узнал о дарвинизме... *«Еще — мальчик, а все эти соблазны лезли отовсюду, точно холодный ветер через щели».* Опять затосковала душа. И вот, на масленицу, он не поехал домой, а остался в Тамбове и в свободные дни стал посещать Публичную Нарышкинскую библиотеку, чтобы самому разобраться, как так человек произошел от обезьяны. *«Прочитал биографию Дарвина — издание Павленкова. И тут больше нашел мира для души. Оказывается, сам-то Дарвин был и остался христианином, верующим — чего многие и доселе не знают. Он учил об эволюции (развитии из низших в высшие) видов живых организмов; но не отрицал ни Создателя мира, и особенно — живых существ, ни Его силы в мире. А после я увидел и ложь в его теории...»* Уже здесь Иван Федченков осознал: *«...Да, да! Люди не умом думают, а "сердцем"... <...> И хоть я не совсем доказал уму своему — сочинением какого-то Данилевского — неосновательность дарвинизма, но перескочил и этот ров — как и первый — о неверующем "безумце". Я продолжал верить...»*

Уже через много лет, будучи профессорским стипендиатом в Академии, он узнал, что существует целое направление в мировой научной литературе с критикой дарвинизма. *«Я даже сестре своей, курсистке Лизе, которую смущали и раздражали на курсах профессора "дарвинисты" и "нигилисты" — безбожники, дал огромный печатный список в десяток страниц антидарвинистической литературы, она взяла его, положила как противоядие для себя на книжную этажерку и... успокоилась».*

В 1897 году, благополучно окончив курс духовного училища по первому разряду, Иван Федченков был зачислен в студенты Тамбовской духовной семинарии. Он был готов к новым богословским знаниям и впоследствии писал: *«У души есть свой, более глубокий разум, истинный разум, интуиция (внутреннее восприятие истины). И именно он, этот внутренний разум, а не внешний формальный рассудок спасал нас. И именно этим объясняется, что я и другие сохранили веру, — хотя волны искушений накатывались на нее уже отовсюду: душа отскакивала инстинктивно».* Но не у всех. Неверие множилось, и гроза надвигалась.

Глава 3. Тамбовская духовная семинария (1897–1903)

Надо напомнить, что все население дореволюционной России было поделено по сословиям. Дети «податного сословия» (то есть платившего подати, налоги в казну), к которым относился и Иван Федченков, не имели права учиться в средних и высших учебных заведениях. Перед переводом в духовную семинарию Ване необходимо было «отписаться» от крестьянства. *«Отец или мать со мною сходили в волостное правление верст за семь от дома, — вспоминает владыка. — И, кажется, поднесли бутылку вина волостным старшине и писарю, и те беспрепятственно выдали какую-то бумажку, что я теперь "отписан". Но кем же я стал после этого — не понимаю и сейчас».* По своему новому социальному статусу будущего святителя можно было смело называть семинаристом.

Здание Тамбовской семинарии, где предстояло учиться 17-летнему юноше, возвышалось на берегу старого русла реки Цны почти в центре Тамбова. В двух шагах располагался Казанский мужской монастырь, где немногим более 100 лет назад до описываемых событий был рукоположен в священный сан преподобный Серафим Саровский.

К началу XX века Тамбовская семинария являлась одним из крупнейших учебных заведений в губернии. Здесь обучалось до 600 воспитанников, 205 из которых содержались за казенный счет. По окончании духовного училища, как лучший ученик в классе, Иван попал в их число. Он получил бесплатное место в общежитии, расположенном в семинарском корпусе, в то время как большинство других воспитанников жили в «своекоштном» общежитии. Кто-то жил и по частным квартирам.

«Как и везде, предметы нас не интересовали, — пишет владыка, — мы просто отбывали их, как повинность, чтобы идти дальше. Классические языки не любили, да они оказались бесполезными. В семинарии часто учили "к опросу" по расчету времени, за чем следили особые любители из товарищей. Науки нас не обременяли, на экзаменах усиленно зубрили и "сдавали". <...> Учители жили в общем замкнуто от учеников».

Относительно свободная жизнь во внеурочное время для молодых людей оборачивалась зачастую плачевно. Скудная семинарская жизнь при господстве внешней формы заставляла юношей искать себе других развлечений, главным из которых было пьянство. Как пелось в семинарской песне: *«одна отрада и утеха, могуч оплот от мрачных дум — способна вызвать чувство смеха, заставить смело мыслить ум».* Не лишены были этого порока и некоторые из лиц преподавательской корпорации. Учащиеся, конечно, об этом знали. Повсеместно было распространено курение.

Находясь под бдительным надзором учебной инспекции, семинаристы, которые жили в «казенном» общежитии, пользовались гораздо меньшей свободой. Но вряд ли только поэтому Иван не пристрастился ни к курению, ни к вину. Он не был хулиганом и даже сызмальства избегал всяческих потасовок и драк, уходя от нежелательных встреч как можно скорее. Однако юного семинариста подстерегала иная опасность, которая чуть было не погубила его судьбу.

Во второй половине его первого года обучения в Тамбовской духовной семинарии случился бунт. Причиной бунта явилось жестокое обращение с учениками одного из преподавателей. После того как последний за подсказку вывел из класса в коридор за ухо юношу лет 20, терпение семинаристов лопнуло. От каждого класса были избраны делегаты для подачи жалобы перед правлением семинарии на действия сурового преподавателя. *«Я, первый ученик, и то терялся от него, — вспоминает владыка. — И скольких учеников он представлял к увольнению своей математикой. И так было 27 лет!»*

Иван вошел в состав делегации от первого отделения первого класса. Но, судя по всему, делегацию к начальству не допустили. В тот же день после учебных занятий в коридорах семи-

нарии поднялся шум и свист. А вечером началось битье стекол в дверях и окнах. Начальство вызвало полицию. Учебное заведение закрыли. Началось долгое разбирательство.

Как первого ученика и предводителя класса Ивана Федченкова вызвали на допрос. *«На допросе меня убеждали открыть имена зачинщиков и особых бунтарей. Я не сказал ничего, конечно. Тогда один из членов правления говорит: "Вы из крестьян?" — Да. — Так смотрите же, если мы и своих не пожалеем, то подавно и вас, крестьян". Я промолчал».*

Исполняющий должность инспектора семинарии подготовил рапорт на имя епископа Тамбовского и Шацкого Александра (Богданова), в котором к первой категории бунтовщиков отнес 15 воспитанников. В их числе был и Иван Федченков. Ему грозило неминуемое отчисление, что закрывало путь не только в другие семинарии, но и уменьшало возможность учиться где бы то ни было дальше. Такова была плата за нежелание выдавать своих товарищей. *«О, что бы это был за удар для матери! — вспоминает владыка. — Возможно, со своим не здоровым сердцем она могла и умереть тут же от разрыва».* Но Промысл Божий решил иначе. Правящему епископу Александру постановление семинарского правления показалось слишком строгим. Он предложил ограничиться лишь дисциплинарными взысканиями, что и было подтверждено Синодом. В результате кого не уволили. Первую группу виновных наказали карцером, а вторую — «двухдневным голодным столом». Всем был снижен балл по поведению. Виновного в возмущении семинаристов преподавателя перевели из Тамбовской семинарии в другую и назначили там смотрителем. Иван же свое наказание в карцере впоследствии описывал так: *«Это была особая комната в больнице, где нас одевали в больничный халат и давали лишь воду и хлеб, но товарищи через окно подавали пирожков мне, как жертве, пострадавшей за общественные интересы».* Можно сказать, что все закончилось благополучно. Но это не так. Испытания продолжились.

После описанных событий некоторые старшеклассники стали здороваться с Иваном за руку, что для него было весьма лестно. Ему стали давать читать запрещенные книги, беседовать на «умные» темы. К слову сказать, в запрещенных тогда числились Лев Толстой и Федор Достоевский, равно как и другие новейшие писатели. *«При этом читать запрещенные книги считалось почти революционным преступлением, а потому и гораздо более важным, чем драка, выпивка и т.п. И можно понять мой страх, — вспоминает владыка, — когда ректор семинарии протоиерей С[околов] увидел меня (уже после экзаменов), воротившимся из города в вышедшей рубашке, а не в казенной черной тужурке со светлыми пуговицами, и начал делать мне за это строгий выговор, а у меня в руках была тогда запрещенная книжка с невинными рассказами не то Иванова, не то Станюковича. Как она жгла мне пальцы! Что там рубашка! Все это мучительное время думал я: у меня вот тут преступление куда страшнее! К счастью, начальство не заинтересовалось почему-то внутренним моим "безобразием", а успокоилось на выговоре за внешнее и послало меня "доложиться" инспектору, к которому я и явился, но предварительно упрятавши преступное "вещественное доказательство". Инспектор — хорошо помню о нем — М.А. Надеждин оказался милостивее ректора, скоро отпустил»*.*

Дальше последовало знакомство с другими писателями — властителями молодых умов: Белинским, Писаревым и Добролюбовым. Читались различные сборники политико-экономических статей. Затем произведения Максима Горького и Леонида Андреева. И наконец, аттестат на политическую зрелость — «История цивилизации в Англии» Генри Томаса Бокля. В этой книге повествовалось «об истории умственного развития» не только в Англии, но и в других странах. После этого прочтения Ваня уже являлся полноценным членом нелегальной библиотеки и мог сам выдавать книги своим товарищам. Поскольку он состоял официальным помощником библиотекаря семинарской библиотеки, то видеть его с книгой было для всех привычным делом. Нелегальная библиотека энергично поддерживалась «членскими» взносами и читалась бойко. Для Вани это был период самообразования, период ознакомления с новейшими изданиями и умственными исканиями молодежи.

Тем временем обучение в семинарии продолжалось своим чередом. *«Жизнь учебная в общем-то была скучная-таки, — продолжает владыка. — И становится понятно, как мы ждали разных каникул: на святки, масленицу и Пасху. Еще с 21 ноября, когда запевалась в церкви в первый раз катавасия "Христос раждается, славите", наши сердца начинали радоваться. А недели за две-три на классных досках появлялось это блаженное слово "ропуск"... И писалось оно уже везде, где можно: на тетрадках, в клозетах, вырезалось на партах, вписывалось в учебники. А когда подходит этот желанный день, мы просили учителей не спрашивать нас, а почитать что-нибудь. Помня свое время, они обычно охотно шли навстречу нам. Как это было отрадно и как мы были благодарны им! В общем, преподаватели во всех школьных ступенях были умные и хорошие люди».*

Тем временем в сердцах и умах наиболее развитых семинаристов шло страшное революционное брожение. После двухлетней обработки Иван был приглашен на закрытое собрание «библиотеки», которое его председатель, первый ученик пятого класса семинарии, открыл пламенной речью против правительства. *«О ужас!!! Куда я, скромный сыночек маменькин, попал?.. — вспоминает святитель. — А речь все поднимается, сгущается... И вдруг Шацкий предлагает ни менее ни более как совершить террористические акты, и в первую очередь — царевубийство...»* С этой поры революционный пыл Ивана «упал до нуля». *«Мне все хотелось уйти, душа не лежала к революции и к убийствам вообще», — пишет владыка.* От переживаний, умственного и физического напряжения, которым сопровождалось обучение в семинарии в числе первых учеников, у него на одном из подпольных собраний открылся кашель с кровью. Он тут же обратился к врачу, и тот поставил ему диагноз — горловой туберкулез. *«На это кровотечение я посмотрел как на указание перста Промысла Божия и с той поры перестал ходить на "заседания" и вообще навсегда потерял к подпольщине интерес. Правда, книжки еще иногда читал и другим давал, но скоро и это надоело», — вспоминает святитель.*

В старших классах семинарии он уже руководил семинарским хором. За что, как хороший регент, был отмечен преосвященным архиереем, посетившим как-то раз семинарское богослужение.

Обучение в семинарии подходило к концу. *«Я исполнял все церковные уставы — ходил в церковь, говел дважды в год, молился дома, соблюдал посты, старался жить возможно благочестиво, занимался учебой... <...> И это тихое житие почти не нарушалось до самого поступления в Санкт-Петербургскую академию», — пишет владыка.* В то же время замечает, что по-настоящему духовная жизнь его еще и не начиналась: *«До 22 лет, в сущности, духовно я продолжал быть отроком».*

Все же успешная учеба в семинарии определяла дальнейший путь святителя — в столичную духовную академию в Санкт-Петербурге. Того желала и его мать.

Глава 4. Санкт-Петербургская духовная академия. Монашество (1903–1907)

В 1903 году Иван Федченков как «первый ученик» Тамбовской семинарии поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. Высшее образование для священника было необязательным, но все же давало определенный статус и сулило лучшее место в городе.

Студенты Академии уже могли свободно посещать занятия. Как пишет митрополит Вениамин, они почти не ходили на лекции профессоров. *«На лекциях "дежурили" лишь два очередных товарища, которые и записывали их речи, — если только те сами не читали свои лекции по готовым тетрадям. К концу года все это издавалось нами литографски; едва успевали "проглатывать" содержание лекций в течение двух-трех дней перед экзаменами. Разумеется, они так же скоро улетучивались из нашей памяти»*. Кроме того, в Академии нужно было писать объемные сочинения и заниматься исследовательской работой.

В Петербурге Иван продолжал обеспечивать себе денежное содержание и, по возможности, помогать родителям и младшим братьям и сестрам. Так, *«по просьбе одной православной девушки из аристократического круга, создавшей ясли для рабочих матерей, я раз или два в неделю ходил к детям, в возрасте от трех до семи лет. Учил их молитвам, разговаривал с ними. Было отрадно это. Потом я возвращался в Академию»*.

Он продолжал учиться, ожидая супружества и рукоположения, как и всякий выпускник духовной школы. Хотя нет, не всякий. *«В мои годы, — вспоминает святитель, — на это [священническое] служение уходили от 10 до 20%, а в Академии даже и менее [...] и — Правдою Божию — были наши школы закрыты потом, как "малопродуктивные смоковницы"»*. Не многих привлекал путь служения. Да и сам святитель признавался не раз, что именно «духовного» образования духовные школы в то время не давали.

Так или иначе, перед взором будущего святителя стоял образ пастыря, который со всем усердием служит обездоленному и несчастному народу. Другого пути для себя он не представлял. Пробуждать в народе самые светлые чувства, согревать душу, предстоять молитвенником пред Богом — вот его будущий путь.

Вспоминается картина, описанная Федором Михайловичем Достоевским, где питерский извозчик хлещет в злобе обессиленную лошадь. Подобную картину наблюдал и молодой студент-академист. Он видел, как извозчик вожжами бил несчастную лошадь по глазам, а она старалась отвернуть морду, но никак не могла вывезти тяжелый груз из-под моста. Другой раз при нем два извозчика сами бились друг с другом в кровь, и вдруг один умчался, а второй, не в силах догнать противника, схватил сам себя за волосы и стал биться с яростью о конек телеги. Ужаснувшись таким картинам столичной жизни, Иван думал: *«Ну, куда ты хочешь уйти от этих несчастных людей?»* Нужно идти к ним и выводить их из этого скотского состояния. И уж если думать о пути служения народу в качестве пастыря, то нужно думать и о помощнике; *«имелось в виду даже определенное лицо, что естественно при моих мечтах о пастырстве»*, — вспоминает святитель.

В таком настроении он начал обучение в духовной Академии, ректором которой тогда был епископ Сергей (Страгородский), впоследствии Патриарх, а инспектором — архимандрит Феофан (Быстров). Последний вскоре поколебал решимость Ивана стать простым священником и заставил всерьез задуматься о монашестве.

Еще на первом курсе Академии, после Рождества, перед самым Великим постом, Иван вдруг заболел *«какой-то непонятной и для академического доктора болезнью, — не то малярией, не то тифом, но только я должен был лечь перед масленицей в больницу»*, — вспоминает он. В больнице первокурсника навестил инспектор Академии архимандрит Феофан и заговорил с молодым студентом о святых отцах, о важности и полезности чтения их трудов

для христианина. Далее посоветовал ознакомиться с творениями святого Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, Макария Великого и других аскетов. А по уходе прислал больному «Лествицу» Иоанна Лествичника.

«Я начал читать и был поражен, — вспоминает святитель, — в "Лествице" раскрывались жизненные, интересные для меня вопросы. Например, как достигнуть совершенства христианской жизни мирянам? Почему совесть иногда перестает нас обличать? Как бороться со страстями? Каковы значение и сила монашества?» И так далее. Перед его взором открылась не просто богословская наука, которую он изучал уже несколько лет в духовных школах, а сложная наука духовной жизни, ранее ему неведомая. *«Почему не сразу выполняются наши молитвы к Богу? Почему и духовным людям Бог оставляет легкие страсти? Как приобрести смирение? Каким путем познается воля Божия? Как различать любовь святую, духовную от душевной и нечистой? Как смотреть на сны? Всякое ли пение относится к сладкопению даже в храме? Чем побеждают страсти? "Монах есть бездна смирения, в которой он потопил всякого злого духа". "Блудных могут исправлять люди, лукавых — ангелы, а гордых исцеляет Сам Бог"».* Сколько вдруг открылось нового, полезного и интересного для студента-первокурсника! Уже в больнице Иван начал читать святых отцов-аскетов, понимая, что и внезапная болезнь его есть Промысл Божий.

«Чтение этих аскетических творений так сильно подействовало на меня, — пишет он, — что очень скоро я почувствовал влечение к иночеству, никому о том не говоря. Как-то удивительно быстро мои мирские мысли и мечты отошли в сторону, в частности и мысли о пастырстве и браке. И постепенно стало нарастать стремление к Богу. Начал сознавать недостаточность прочих идеалов, хотя бы и хороших, вроде служения ближним; и во всяком случае мне стало совершенно понятно, что человека ничто не может удовлетворить, кроме любви к Богу». Семя пало на благодатную почву. Ни общественное одобрение, ни удовольствие от выполненного долга, ни успехи по службе, богатые приходы или что-либо другое не может удовлетворить человека, кроме как любовь к Богу. А если любишь Бога, то должен идти за Ним, оставив все позади.

Но не все так просто, как кажется. Конечно, можно было закончить Академию, жениться, стать хорошим и добрым батюшкой на приходе. Несомненно, паства любила бы такого священника, который со всем усердием служит Богу и любит пасомых. Но его душу это уже не устраивало.

Вскоре и само настроение студента переменялось. Первая Пасха в Академии. *«После службы — богатейшие "разговоры" в столовой, до небывалого угощения винами, на счет "казны". <...> Увы, многие перепились. Начали петь светские песни. И всем этим отравилась чистая, небесная пасхальная радость: душа затосковала, точно потерявши благодатную радость Воскресения, — пишет святитель. — И вспоминаются слова царя Давида после потерянной им радости через грех: воздаждь ми радость спасения... — плачет он пред Господом, то есть — возврати ее мне».*

Уже на следующий год несколько студентов, в число которых вошел Иван, не пошли из церкви «в нетрезвую столовую», а разговорились у инспектора архимандрита Феофана, где было тихо. Тут прочли Житие святого пустытника Марка Фраческого. И что же в нем говорилось? Он получил философское образование в Афинах, но потом бросил все и ушел в египетскую пустыню, где в совершенном одиночестве прожил девяносто пять лет. Его видел преподобный Серапион и рассказал, что по слову Марка двинулась гора, а потом стала на прежнее место, — согласно слову Христову: если кто имеет настоящую веру, то по его слову и гора двинется (Мк. 11, 23). А потом, по его же молитве, в пещере явилась чудесная и обильная трапеза для гостя. *«Как же мы далеки от подлинных христианских сил и жизни»*, — подумал при этом будущий святитель. Идеал христианской жизни вновь и вновь являлся перед его глазами — монашество и чуть ли не отшельничество.

Пример настоящего монаха у студентов был прямо перед глазами — инспектор Академии архимандрит Феофан. Личность необычайная и глубокая. К тому же аскет. Вскоре вокруг него образовался небольшой кружок, который прозвали «златоустовским», потому что в этом кружке изучали творения святых отцов с чтения св. Иоанна Златоустого. *«Любили мы и читали о. Феофана, — пишет святитель. — За что студенты и прозвали нас "феофанитами"».*

Члены кружка собирались два раза в неделю, предварительно прочитав заданный отрывок из святых отцов. Один был докладчиком, а затем, после доклада, все обсуждали поднятую тему. В заключение говорил отец Феофан. *«И мало-помалу у нас воспиталось православное отеческое воззрение. Это и было целью <...> Этот кружок и приучил нас к святым отцам», — пишет святитель.*

Так продолжался учебный год. Но уже в следующем году до Академии докатилась революционная волна. После январских событий 1905 года в Санкт-Петербурге забастовали почти все учебные заведения. Студенты Академии не хотели оставаться в стороне и на общей студенческой сходке постановили тоже забастовать. Однако решение было не единогласное. Около четверти студентов, в числе которых были и члены «златоустовского» кружка, не поддерживали идею. Сорвать лекции профессоров было уже невозможно, так как несогласные все равно могли их посещать. А если на лекции есть по паре дежурных слушателей, а обычно и по три-пять человек, то ни о какой всеобщей забастовке речи быть не могло. *«Тогда нам бросили угрозу: будут обливать нас кислотой! — вспоминает святитель. — И это бы ничего! Но меня начало мучить чувство товарищества: как! я иду против большинства?»*

В Тамбовской семинарии Иван Федченков не выдал своих товарищей-бунтарей, за что сам пострадал и чуть не был исключен. И вот то же самое, но уже в Академии. И он не с большинством, а в стороне. Правильно ли это? Тут еще ректор Академии епископ Сергей объявил, что если демонстрации не прекратятся, то забастовщиков уволят, а меньшинство будет заниматься. Не является ли это предательством меньшинства по отношению к большинству? Мучительные вопросы.

Иван уже был склонен пострадать с большинством и начал подыскивать себе «платное дело» на случай увольнения. *«Отправился к известному церковному композитору и организатору нескольких хоров А.А. Архангельскому с предложением своего тенора и даже помощи в регентстве», — вспоминает святитель.* Дело это было ему знакомо, так как регентом он был и в духовном училище, и в семинарии, и в Академии. Но Архангельский остался недоволен голосом просителя и отказал ему. *«Оставалось увольняться со всеми... Возвращаться к папеньке на хлеба? Теперь их не удивило бы мое возвращение, забастовки были везде. Но я мучился в совести и обратной мыслью, — продолжает святитель, — нравственно ли поддаваться непременно и всегда давлению большинства, если я с ним не согласен?..»* Продолжать ли учиться дальше «на костях товарищей» или уволиться, сохранив свою совесть? Иван решил уволиться... Прозная про это, епископ Сергей, увидев его в коридоре, шутливо пригрозил кулаком, с улыбкой сказав: *«Я тебе дам увольняться!»*

Бедный студент направился к своему духовному руководителю, отцу Феофану, за советом. *«Он сказал мне целую лекцию о "коллизиях нравственных убеждений и чувств", посоветовал мне не смущаться. И я у него в кабинете решил "учиться на костях"», — пишет святитель.* Но и этого не пришлось делать. Вскоре заколебались и другие. Отчаянные революционеры отсеивались еще в семинарии, а академики все же «народ больше тихий, благочестивый». Никому не хотелось возвращаться по домам, потеряв столько лет обучения. Страсти скоро улеглись. А тут еще епископ Сергей всех собрал и проявил свою начальственную силу, согнав какого-то зарвавшегося студента с места председателя собрания и произнеся собранию «спокойную деловую речь», в которой предложил прекратить забастовку. Почти все студенты после этого постановили восстановить занятия. В итоге никто не пострадал.

Возможно, все эти вопросы и терзания, а также многие другие искушения минули бы стороной Ивана, если бы он принял постриг уже на первом курсе. Но сомнения все еще одолевали его. Каков его путь? Созерцательный или деятельный? Если выбирать иночество, то как же служение людям, как же пастырство? Отец Феофан отвечал ему, что монашество — это тоже вид служения, только служения самой Церкви. И это служение даже важнее, чем общественное служение, поскольку развивает основу духовной жизни: веру и духовный опыт. А многие стали и святыми угодниками Божиими через это служение. Святой подвижник, почти современный Ивану, преподобный Серафим Саровский говорил: «Спасись сам, и вокруг спасутся тысячи». Как раз в год поступления Ивана в Академию случилось всероссийское прославление преподобного Серафима. А он был монах и затворник. И скольких людей спас. Чем не великое служение?

Три года шла внутренняя борьба. То иночество представлялось Ивану привлекательным и чуть ли не обязательным для христианина, то вызывало отвращение и даже ненависть к самому монашеству по существу. Как? — *«Зачем это самоистязание? Зачем отречение от мира? Зачем эти темные одежды? И я тогда готов был (в воображении, но ярком) сбросить с головы монашеский клобук, даже растоптать его с ненавистью, и идти в мир, в мир»*, — вспоминает он.

Один из главных вопросов в выборе монашества был вопрос о безбрачии. Смогу ли? Понесу? *«Прежде всего я стал читать творения святых отцов, — пишет святитель. — У Григория Богослова я нашел неожиданное объяснение слов Господа: "Могий вместити да вместит" (девство). Кто же "могий"? Ответ: "желающий"»*.

Сохранились письма этого периода Ивана Афанасьевича к своему однокашнику по Тамбовской духовной семинарии Василию Петровичу Соколову, тогда студенту Киевской духовной академии. Главной темой было отношение к браку и монашеству. Но не только. Творившийся вокруг упадок христианской жизни и казенный строй церковной жизни многих повергал в уныние. Казалось, не время сейчас идти в монахи. Иван Федченков еще в 1904 году писал своему другу: *«Посмотришь на других, — пишут, скрипят, не видят ничего хорошего в жизни. <...> На меня же, и вообще на всех веселых оптимистов, они смотрят, как на мальчиков, еще ничего не смыслящих, — или еще хуже — не могущих и не желающих видеть другую сторону жизни, — по их мнению, чуть не единственную или главную. Ох уж эти мне пессимисты! Просто такая досада берет [от] этих нытиков, — вот уж подходящее словечко-то! — что поколотил бы их всех!»* Он признавался, что в общих собраниях и на вечеринках считался веселым человеком, оживляющим общество, но при этом чувствовал в себе *«внутреннюю трагедию драматического артиста в парике клоуна»*. Ему было от этого всего скучно, но при этом и сам обряд, чинопоследование пострижения в монашество выглядел скорее как *«погребение, чем радость»*.

Возвращаясь к вопросу о браке и воздержании в монашестве, он писал: *«Если сохранил девство до 25–27 лет, — то можно ["вместить"]. Это ерунда! Можно и после образумиться и пойти в монахи»*. С «барышнями» ему приходилось сталкиваться в Петербурге. Здесь они были, по его признанию, *«очень и весьма свободны»*, так что приходилось *«держаться настороженно»*. С ними он сталкивался в одном любительском кружке певчих. *«А знакомых я не имею пока, — признавался он, — не имею потому, что не тянется к ним, жизнь и без того сравнительно полна: студенчество, собрания, театры, любители и любительницы пения, — я уже не говорю о занятиях, семинарах и т.п.»*

Чуть позже Иван начал рассматривать кандидатуру своей будущей супруги, но все еще оставался в нерешительности. В своих письмах к товарищу от отрицания монашеского пути для себя он вдруг переходит к его защите: *«Думал ли я, что мне придется размышлять о монашестве и защищать его пред... Васей, осужденным почти на отшельничество? И могу ли я сказать, что мне самое лучшее место здесь? На это не хватает у меня смелости. Что*

же делать в этой дилемме? Надеяться на благодать вспомоществующую, молиться Богу о вразумлении, а не полагаться горделиво на "свои основные мысли". Вообще же, предать в руки Промысла Божия!» Здесь будущий владыка приходит к основному выводу — полагаться на сердце. Выбирать не путь рационального мышления, а «интуитивно-сердечный метод». И в связи с этим пишет своему товарищу: *«Если ты сумеешь естественный разум, способность мышления, диалектику, — то надежда твоя, если брать предмет по существу. Все аскеты вооружаются против этого, запрещая полагаться на свой разум = рассудок»*.

Примечательно, что в это время он сталкивается с Григорием Распутиным, обладавшим тогда, по словам архимандрита Феофана (Быстрова), «благодатным даром узнавать людей». Встреча произошла на чаепитии в квартире ректора Академии владыки Сергия (Страгородского). Здесь, кроме инспектора Академии архимандрита Феофана, присутствовали еще трое студентов. В письме от 31 марта 1905 года Иван Афанасьевич пишет, что Распутин: *«Внимательно-пронизывающе посмотрел на меня раз 5, — и, не дожидая никаких вопросов, заявил мне: "Что? Чиновник или монах?" Я опешил, — а он продолжал: "Нет! Вот в монахи таким идти, как он (о. Ф[еофан]), — здоровым! А ты больной!" Я еще более опешил! После через часа 2 встретился с ним у о. Ф[еофана] в квартире, — а он меня расписал так, что я тут только прозрел ослепшими от гордости глазами. Он сказал, — что я страшно "слаб" в отношении к плоти, — поэтому монашество будет для меня невыносимой мукой. Я "буду падать", и в борьбе с плотью "изорву тело", — а все буду падать "до 50 лет"; а вот лучше жениться, — буду "хорошим батюшкой или учителем"; — ведь не всем равное спасение, — ну в браке меньше, зато легче; греха здесь нет, "закон примешь", — то есть таинство брака. Это было для меня прямо целым событием». «Один из простых крестьян-богомольцев» поразил и ранил прямо в сердце молодого студента видением его метаний по поводу дальнейшего жизненного пути. Позже владыка вспоминал: «Об этом моем тайном намерении [монашества] знал только один отец Феофан, никто другой. При таком "прозорливом" вопросе гостя он так и засиял. Отец Феофан всегда искал "Божьих людей" в натуре; были и другие примеры в его жизни и до, и после Распутина. Другим студентам Распутин не сказал ничего особого... Знаю я другие факты его глубокого зрения. И, конечно, он этим производил большое впечатление на людей. Епископ Сергий, однако, не сделался его почитателем. И, кажется, Распутин никогда больше не посещал его. Будущий Патриарший Местоблюститель был человеком трезвого духа, ровного настроения и спокойно-критического ума. Но зато отец Феофан всецело увлекся пришельцем, увидев в нем конкретный образ "раба Божия", "святого человека". И Распутин расположился к нему особенно».*

Наконец, чтобы взглянуть на тех, кто уже впустил, кто стал монахом, чтобы увидеть подвиг иночества воочию, Иван в мае 1905 года вместе с двумя своими товарищами решается на путешествие в самый центр северного монашества — на Валаам. Через год, под инициалом начальной буквы своей фамилии «фита», он публикует в журнале «Странник» впечатления от этой поездки под заглавием «Записки студента — паломника на Валаам». Здесь будущий святитель вновь выступил защитником монашества. Он постарался опровергнуть доводы тех, кто утверждал, что постники долго не живут и организму просто необходимо мясо. Удивительно, но молодой студент смело вступил в полемику с известным публицистом Василием Васильевичем Розановым по вопросу, почему монашеству присущи темные одежды и плач о грехах. И почему в православии необходимо 40 дней поста перед недельным пасхальным празднованием, так как иначе и невозможно. Это будет первое известное опубликованное сочинение студента Ивана Федченкова, в котором уже просматривается его литературное дарование, защита православной веры, монастырей и монашеского подвига. А кроме того, это будет первое описание своих встреч с подвижниками, с истинными «Божьими» людьми. Но обо всем по порядку.

По прибытии на Валаам молодым паломникам-академистам было разрешено носить в монастыре послушнический подрясник, скуфью, кожаный широкий пояс, четки и «бахилы»,

то есть монастырские неуклюжие сапоги на всякую почти ногу. *«И нам так это казалось интересным и приятным, что мы радовались — будто монахи»,* — пишет владыка.

Монастырская жизнь довольно строгая. Нужно вставать рано на молитву. Днем трудиться (здесь паломники посещали и знакомились с разнообразием послушаний в монастыре). Вечером опять молились. Кушали, то есть трапезовали, только по распорядку, а не тогда, когда захочешь. Необходимо было слушаться начальников. И вскоре один из товарищей не выдержал, уехал. Остались друзья вдвоем и попросили игумена показать им ни много ни мало живого святого. Игумен дал им лодку и гребца и направил в далекий «Предтеченский» скит к старцу Никите.

Страшно было Ивану увидеть настоящего святого подвижника. Боялся, что тот будет его обличать или грозить Божьим судом. Но когда увидел *«кроткое, немного грустное, но ласковое лицо схимника, то сразу успокоился и расположился к нему»*. Получили благословение. Иван попросил старца сказать что-либо на спасение. Подвижник сначала смиренно отказывался. Но потом сказал: *«Терпите, терпите; без терпения нет спасения»*... Дальше побеседовал с молодыми людьми и вдруг обратился к Ивану со словами: *«Владыка Иоанн! Пойдемте, я буду угощать вас»*. И, взяв его под руку, как делают со святителями, повел к скитской трапезной. *«Это произвело на меня потрясающее впечатление: будто в меня влито было огненное что-то»,* — пишет владыка. — *Я ничего не мог и не хотел произнести*. После чаепития он задал отцу Никите тот самый беспокоивший его вопрос: монашество, безбрачие — трудно будет?! Ответ, как пишет святитель, приблизительно был такой:

«— Ну, что же? Не смущайтесь. Только не унывайте никогда. Мы ведь не ангелы.

— Да, вам здесь в скиту хорошо, а каково в миру?

— Это — правда, правда! Вот нас никто почти и не посещает. А зимою занесет нас снегом: никого не видим. Но вы — нужны миру! — твердо и решительно закончил батюшка. — *Не смущайтесь: Бог даст сил. Вы — нужны там.*

— Батюшка! А мне один человек мирской не советовал идти в монахи.

А о. Никита ответил на это, даже как-то необычайно для него, строго, будто как на врага:

— Кто он такой?! Как он смел?! На это Божия воля!

Так в первый раз отвечено было мне относительно монашества: Божия воля! И притом чудесно, пророчески».

После было Ивану и указание от другого старца. По совету того же о. Феофана он поехал к старцу Исидору в Гефсиманский скит, что возле Сергиевой лавры, за окончательным разрешением своего монашеского вопроса. *«Это было уже года три после встречи с о. Никитой: все это время я был в смущении и в колебаниях. А окончание академического курса подходило к концу: надо было так или иначе решать вопрос»,* — пишет владыка. Он отрекомендовался батюшке, рассказал вкратце, зачем приехал к нему и по чьему указанию. *«И думал: вот сейчас начну подробную исповедь. Но святым людям достаточно взглянуть на человека... И не успел я, как говорится, рта раскрыть, как он сам сказал со всею несомненностью:*

— Сейчас не ходи. А придет время, тебя не удержишь!»

Так, в терзаниях и поисках своего будущего пути, Иван окончил Академию и был оставлен профессорским стипендиатом (то есть аспирантом) при кафедре Библейской истории. На лето он уехал в Житомир, где жил в качестве домашнего учителя в доме председателя уездной земской управы С. Н. Обухова. Вот как пишет об этом сам владыка: *«В это время меня пригласили (все по рекомендации того же архимандрита Феофана) в одну семью домашним учителем двух деток. Но я увидел тут, что эта жизнь несовместима с моими прежними думами»*. К слову сказать, в это время он часто посещал соборные богослужения в городе, возглавляемые ярким поборником монашества митрополитом Антонием (Храповицким). Слушал его проповеди. А познакомившись с семейной жизнью в доме, где его приютили, Иван наконец

принял окончательное решение. В том же году он возвратился в Петербург и подал прошение о постриге.

Здесь будущего святителя попытались удержать от монашества уже его близкие. Мать яростно не желала ему такого пути. *«Мотивы были самые обычные: сын, да еще любимый, точно отрывается от семьи. И мать моя иногда говорила мне: "Я ведь не говорю тебе: ты не люби Бога! Нет! Но ты и земли-то не забывай", — пишет святитель. — Но у меня стремление к монашеству так усилилось в течение последних трех лет, что меня действительно трудно было удержать... А потом и еще стало труднее. И речи матери на меня уже не действовали».* Хотя мать и грозилась ужасными последствиями, но на это рассудительный духовник архимандрит Феофан говорил Ивану: *«Если вы идете ради Бога, то знайте: Бог никогда не попустит совершиться злу. А если и случится что-нибудь, то Господь и самое зло исправит, и направит даже к добру».*

Сам Иван уже твердо принял решение о монашестве и не смущался никакими препятствиями. Даже очередное *«ужасное письмо»* от сестры не остановило его. *«Теперь обрезаны были всякие привязи и покончено со смущением», — пишет он.*

Впоследствии владыка вспоминал еще один яркий эпизод: *«Я — в студенческой спальне, когда никого не было, клал земные поклоны и читал акафисты... Но странно: душа была холодна. Однако я не обращал на это внимания и положенное вычитывал терпеливо. После двух дней я вдруг совершенно ясно вспоминаю, что в обе эти ночи видел один и тот же сон.*

Будто я на родине... Ухожу из дома вниз, к реке... Мост... Перехожу его, поворачиваю направо. Вдали через луг село... Но за ним мне виднеется город большой, с трубами, — на равнине.

Вдруг возле меня появляется какой-то шалаш. И здесь отец. Матери нет. Я захожу туда. И предо мною много чулок. И все черные. Отец и говорит: "Ну что же, переобувайся!"

Дальше его не помню. Кажется, переобулся. Решил идти. Это была последняя капля. Замечательно: после оказалось, что мама была против моего пострига, а отец сказал мне так:

— Ведь это мать не хотела (и заставляла его писать письма мне против монашества моего, якобы и от его имени), а я сам не был против этого, представляя тебе решать свою жизнь».

Осенью 1907 года архимандрит Феофан совершил постриг своего ученика. Вот как вспоминает об этом сам святитель: *«Началась всенощная. Было мирно. После великого славословия начался постриг. Все было чинно. Архимандрит Феофан сказал какую-то хорошую речь мне (увы, не помню). Потом мы пошли к нему в квартиру на некоторое скромное угощение — чай, подобно тому как отец, принимая блудного своего сына, устроил пир в доме для него.*

Потом я должен был провести одну ночь в храме, готовясь к причащению на другое утро. Спать я мог или сидя, или же на скамьях, кладя под голову толстые богослужебные книги. Дело клонилось к концу».

Казалось бы, так просто, под праздник иконы «Знамение» Божией Матери (27 ноября по старому и 10 декабря по новому стилю) в академической церкви Иван Федченков был пострижен в монашество с именем в честь священномученика Вениамина Персидского. Но сколько тому предшествовало...

3 декабря 1907 года ректором Академии епископом Сергием (Тихомировым) новопостриженный инок Вениамин был рукоположен во иеродиакона. А уже 10 декабря митрополитом Петербургским и Ладожским Антонием (Вадковским) в Троицком соборе Александро-Невской лавры рукоположен в иеромонаха.

Следующим летом 1908 года иеромонах Вениамин поехал к родным, *«чтобы успокоить мать».* *«Для этого, — пишет святитель, — я купил и заказал сшить белую чесучовую рясу и подрясник и белую соломенную шляпу, чтобы легче было матери видеть меня не в черном. Ее*

не было дома; она ездила в город Кирсанов лечить зубы сестре Лизе. Она (мать) не ожидала моего приезда и не подготовилась к враждебной встрече со мною. Я быстренько подбежал к ней. Поцеловались.

— Ну, простите меня, — сказал я ласково.

— Ну, и ты прости! — ответила она. Так просто разрешилась большая драма. А она все-таки была. Об этом мать рассказала в тот же день вечером, когда мы сидели с ней на скамеечке возле нашей хаты».

Путь от мальчика, который еще недавно бегал по полям за уроками в уездный город к местному протоиерею, до уже взрослого юноши, окончившего столичную духовную Академию и принявшего монашество, а затем и священный сан, был завершен. Теперь иеромонах Вениамин вступал на другую стезю — пастырской и педагогической деятельности.

Глава 5. Пастырская и педагогическая деятельность в Санкт-Петербурге (1908–1911)

По окончании стипендиатского года на кафедре Библейской истории у своего наставника архимандрита Феофана иеромонах Вениамин был назначен личным секретарем архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия (Страгородского). Находясь в этой должности с 18 ноября 1909 года по 11 сентября 1910 года, он нес также послушание очередного иеромонаха, совершая регулярные богослужения в храме Святого благоверного князя Феодора и чад его Давида и Константина на Николаевской (ныне лейтенанта Шмидта) набережной в Санкт-Петербурге. Об этом периоде своей жизни митрополит Вениамин вспоминает так: *«Это время было для меня монастырской жизнью. Архиепископ Сергей большей частью был вызываем в Святейший Синод или же жил в Выборге. Из этого периода я могу вспомнить очень немного, что выделялось бы из тихой монастырской жизни. <...> Большой частью мне приходилось жить с ним в Санкт-Петербурге. Тут я имел возможность видеть многих архиереев и других духовных лиц, посещавших моего патрона, ближе познакомился с жизнью монастырей, особенно Валаамского на Ладожском озере».*

Помимо богослужебной череды, на отце Вениамине лежала обязанность проповедничества. *«Благодаря же проповедничеству я, — вспоминает владыка, — в некотором смысле стал казаться "знающим", и ко мне иногда простые души обращались с вопросами».* Как мог, молодой батюшка помогал им.

Через год службы отец Вениамин должен был совместить свое пастырское служение с педагогической деятельностью. Из состава «ученого монашества» традиционно восполнялись кадры администраций семинарий и академий. 23 июля 1910 года иеромонах Вениамин был утвержден в качестве кандидата на кафедру пастырского богословия, гомилетики (учение о проповедничестве) и аскетики Санкт-Петербургской духовной академии, ректором которой в это время был уже возведенный в сан епископа Феофан (Быстров). Чуть позже, в сентябре 1910 года, иеромонах Вениамин будет избран на кафедру в качестве исполняющего должность доцента и уже 30 сентября окончательно утвержден указом Святейшего Синода. Однако до этого, в самое малое оставшееся время последнего летнего месяца, ему необходимо было по новому учебному уставу столичной Академии объединить в один предмет три разные научно-богословские дисциплины. Как это сделать, никто молодому преподавателю не объяснил. Батюшка направился в Зосимову пустынь, чтобы испросить благословения на новый путь у настоятеля пустыни схиигумена Германа (Гомзина). Об этой встрече владыка вспоминает так: *«Среди вопросов он [настоятель] задал и такой: "Что вы будете преподавать в Академии?". Я начал с более невинного предмета: "Гомилетику".*

— А еще? — точно следователь на допросе, спрашивал он.

Я уже затруднялся ответить сразу.

— Пастырское богословие, — говорю. А самому стыдно стало, что я взял на себя такой предмет, как учить студентов быть хорошими пастырями.

— А еще? — точно провидел он и третий предмет.

Я уже совсем замялся.

— Аскетику, — тихо проговорил я, опустивши глаза...

Аскетику... Науку о духовной жизни... Легко сказать! Я, духовный младенец, приехавший сюда за разрешением собственной запутанности, учу других, как правильно жить... Стыдно было...» Но деваться некуда, учебный год близко, а назначение уже состоялось.

Разработать практически три авторских курса в очень короткое время было непросто, поэтому отец Вениамин в течение всего 1910–1911 учебного года лекции читал по пастырскому богословию и аскетике. Занимая кафедру чуть больше года, существенных шагов в деле

развития академической дисциплины он сделать не успел. Впрочем, учитывая свой недавний студенческий опыт и будучи человеком небезразличным к церковной проповеди, понимая ее колоссальное значение в повседневной жизни прихода, он привлекал и увлекал учащих своими практическими занятиями, которые сейчас бы назвали семинарами.

4 и 11 сентября 1910 года иеромонах Вениамин прочитал в Академии пробные лекции. Первую тему он избрал себе сам: *«Святитель Василий Великий как пастырь — устроитель Церкви»*. Вторую же пришлось говорить, по назначению академического совета, на тему *«Отношение проповедника к вопросам общественной и политической жизни»*. Стоит отметить, что владыка всегда живо интересовался общественными вопросами. Так, еще 19 марта 1907 года он присутствовал в Государственной думе на прениях по аграрному вопросу. Хотя позже и вспоминал об этом как о не очень приятном опыте. В июле 1908 года был участником IV миссионерского съезда в Киеве, где присутствовал от Санкт-Петербургской епархии вместе с известным миссионером протоиереем Дмитрием Ивановичем Боголюбовым. Этот съезд современники называли *«некоторым подобием Всероссийского церковного Собора»*. В числе прочих вопросов участники съезда просили о создании условий, при которых Церковь находилась бы вне влияния Государственной думы и Государственного совета. Чаяния многих членов Церкви были направлены на освобождение ее от тесных объятий монархии. Но все это было еще преждевременно. Рассмотрев постановления IV Всероссийского миссионерского съезда, Синод издал целый ряд различных определений касательно дел именно церковной миссии. В частности, рекомендовалось организовывать в больших городах с многоклирными храмами проповеднические кружки духовенства (с участием всех членов причта), где намечались бы темы для проповедей, выступали «новички» с опытными проповедями, обсуждались бы вопросы постановки проповеди для лучшего воздействия на паству. И теперь, спустя два года, все это напрямую касалось интересов молодого преподавателя в Академии. Помимо того, съезд постановил вести борьбу с сектами через апологетическое книгоиздательство и опровержение лжеучений с православных позиций. Этот призыв не остался без внимания иеромонаха Вениамина. Итогом всего стал курс лекций по пастырскому богословию, который в 1911 году был опубликован отдельной книгой. И брошюра *«Подмена христианства (к спорам о Чурикове, "братцах", странниках и проч.)»*.

Иными словами, этот период служения был важным этапом становления будущего архипастыря как исключительного проповедника и зоркого наблюдателя за изменениями в церковной и общественной жизни России. *«Здесь я узнал ближе профессию, — вспоминает он. — Нехудье они люди, но многие были ненадежны для Церкви, зато другие (меньшинство) оказались потом на Соборе основательными защитниками её. Безбожников среди них не было, конечно»*. Здесь владыка упоминает о Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1917—1918 годов, на котором присутствовал и принимал самое активное участие в 1-й и 2-й сессиях. Но об этом позже.

Выбор же молодым пастырем для разоблачения секты «братца» Ивана Чурикова был тоже отнюдь не случаен. Талантливый и начитанный в Евангелии, выходец из простонародья Чуриков своим учением прельщал в основном питерских рабочих и работниц, горничных, кухарок, приказчиков — одним словом, простой народ. Чтобы оградить этот народ от лжеучений, противных Церкви, и выступил в печати будущий святитель, ознакомившись предварительно с идеями чуриковцев и даже лично побеседовав с их «гуру». Основываясь на Священном Писании и творениях святых отцов, он произвел тщательный разбор «учения» Чурикова, изобличая и его самого, и его последователей в уклонении от истины. Иеромонах резюмировал «чуриковщину» так: *«Если всмотреться в нее, то мы увидим, что и здесь в основе лежит тот же современный кумир — естественный (душевно-плотский) человек. И во имя защиты прав этого человека идет повсюду борьба, или совершенно открытая, безбожно-плотская, или же, как, между прочим и в рассматриваемой секте, более тонкая, заключающаяся в постепенной*

подмене духовной религии — душевно-плотскою, или благодатного христианства — культом человека, т. е. язычеством под формами христианства». Отрицание церковной иерархии, благодати и самой Церкви были одними из постулатов этой секты. Внешний покров учения Чурикова с первого взгляда мало отличался от обычно-христианского, а потому народ шел доверчиво. И такое совмещение различных «прелестных» сторон учения, по словам отца Вениамина, могло грозить весьма большой опасностью именно для народа. *«Но еще более опасны эти ереси вообще, чуриковщина в частности, по существу своему: эта вера в человека в конце концов приведет к вере в антихриста»*, — предупреждал он. И, подводя итог, отмечал: *«чуриковщина есть секта, родственная хлыстовству, с основным пунктом его такого или иного обожествления человека, более чистой подмены благодатного — человеческим, духовного — душевно-плотским, жизни в Боге — верой в человека»*.

Спустя два года после выхода брошюры о. Вениамина с разоблачением этого «учения», в 1913 году, петербургский градоначальник запретил Чурикову вести религиозные беседы. А в 1914 году указом Санкт-Петербургской духовной консистории Чуриков был объявлен сектантом как проповедник, не имеющий сана священника, и отлучен от Церкви.

Что же касается процесса обучения студентов, то достаточно рассмотреть темы практических занятий по гомилетике, которые еженедельно по вечерам вел иеромонах Вениамин. Первая тема звучала следующим образом: *«Что такое живое проповедническое слово»*. Причем на эту тему два реферата написал сам отец Вениамин. На последующих занятиях обсуждались такие темы, как *«Процесс религиозно-проповеднического творчества»* и *«Личность проповедника»*. На каждую из этих тем уходило по 2–3 вечерних встречи. Последующие рефераты посвящались таким теоретическим вопросам, как внешняя сторона проповеди, импровизация, метод оценки проповедей, особенно опубликованных. Последние занятия были посвящены святителю Иоанну Златоусту. Поскольку занятия посещались студентами охотно и были всегда очень оживленными, то и результаты стали, по свидетельству самого лектора, более прочными и сознательными, нежели чем при чтении теоретических лекций.

Помимо этой работы, иеромонах Вениамин, по собственному признанию, читал еженедельно представляемые студентами проповеди (от 10 до 20). Лучшие из них он представлял на утверждение ректору Академии. После такого двойного цензурно-проверочного контроля авторы лучших проповедей назначались для произнесения в ближайших приходских храмах. Кроме того, преподаватель гомиетики, согласно действующему академическому уставу, должен был сам регулярно произносить проповеди в академическом храме, что отец Вениамин ревностно и исполнял.

Попутно можно заметить, что молодой преподаватель, еще не успев занять кафедру, пользовался большим уважением среди студентов. И уважением именно как научный руководитель. Дело в том, что в течение первого года под руководством отца Вениамина кандидатские выпускные квалификационные работы писали сразу шестеро студентов. Это достаточно много, если учесть тот факт, что официальное вступление на должность состоялось уже в середине сентября. Студенты же четвертого выпускного курса свои темы должны были утверждать также в самом начале учебного года. Все шесть работ относились непосредственно к пастырскому богословию и аскетике.

Предметом занятий по этим вопросам было раскрытие частных сторон православно-пастырской психологии: таких, как индивидуализм в служении, необходимость опытного усвоения духовной жизни, значение образования, как светского, так и духовного, исключительная важность изучения святоотеческих творений. В кратком обзоре по аскетике акцент был сделан на аскетизм пастыря — его молитвенность, любовь, смирение, крестный путь пастырства. То есть все те положения, которые пройдут красной нитью через весь жизненный путь святителя.

В феврале 1911 года за литургией в день годовичного акта Санкт-Петербургской духовной академии иеромонах Вениамин произнес слово *«О крестном пути пастырства»*, которое

завершил следующими словами, выражающими его мировоззрение, видение духовной школы и идеал пастыря:

«Она [духовная школа] может только довести до самой веры, может очищать ее от примесей, устранять препятствия к ней, и с точки зрения ее объяснять все происходящее в мире и человеке. Но не только дать самую веру, но и после поддерживать ее есть дело, превышающее всякий разум человеческий, все науки, — ибо это есть дар Божий, живущий в тебе, — заповедал апостол Тимофей (2 посл. 1, 6), а для этого у нас есть другая академия, Учителем которой Сам Христос (Мф. 23, 8) с апостолами, святыми отцами, соборами, благодатной иерархией, с веками выработанным, Духом освященном, бытом. Имя этой академии — Святая Православная Церковь, главная же учебная аудитория — этот святой храм.

В этих двух академиях и особенно последней и воспитался тот крестный пастырь, кронштадтский светильник, который с радостью горел и светил с "воссияния солнца" даже до вечера (Пс. 103, 22, 23).

"Как вы стяжали такую пламенную веру?" — спросили его всего за месяц до смерти. Он подумал и ответил: "Я жил в Церкви: участвовал в святых таинствах", особенно же, как нам всем известно, в ежедневном совершении Евхаристии, — "молился, любил особенно читать богослужебные Минеи, а когда оставалось время, читал и жития святых".

"Я жил в Церкви", — вот где главный благодатный источник веры, дающей пламень для любви пастыря, с радостью полагающего "душу свою за други своя" и приносящего себя, "яко хлеб сладкий" Пресвятой Троице».

Летом 1911 года иеромонах Вениамин посетил Оптину пустынь. В этот ли год или на следующий, когда он вновь был в Оптине, ему предложили произнести проповедь. Видимо, зная о его преподавании в Академии. Он поначалу отказался. Как ему казалось, «по смирению». Сомневаясь в сердце, все же пошел к оптинскому старцу отцу Нектарию и сказал ему об этом. На что старец дал мудрый совет — на всю жизнь: *«Никогда не отказывайтесь, если говорят вам старшие. Каким бы высоким делом ни казалось поручаемое вам, Бог за послушание поможет»*. Тогда отец Вениамин произнес эту проповедь. И как потом говорил, *«никогда он так хорошо не проповедовал, как в тот раз»*.

По возвращении в Санкт-Петербург его ждало новое послушание. Указом Синода от 15 ноября 1911 года он назначался инспектором Санкт-Петербургской духовной семинарии. Пробыл отец Вениамин на этой должности чуть более месяца, до 21 декабря, но срок этот казался ему многомесячным.

В отличие от Академии семинария располагалась за стенами Александро-Невской лавры, в особом здании. Здесь отца Вениамина ждали неприятности. Против него выступили некоторые воспитанники. А причиной тому была отчасти строгость молодого инспектора. Вот как вспоминает об этом сам владыка в контексте общих выступлений против начальства в духовных школах на его памяти: *«Третий бунт был при мне в Петербургской семинарии, когда я был инспектором ее и хотел вывести дурную привычку курить табак в спальнях ночью и ежедневное осведомление из всех десяти-двенадцати отделений: сколько кому поставили учителя баллов за ответ? Хотя мы сами выписывали им в особые тетрадки все баллы раз в неделю...»*. Бунт, как обычно, сопровождался разными неприятными вещами, которые могут себе позволить учащиеся по отношению к своему нелюбимому начальству. Однако, как вспоминает владыка, преподаватели были на его стороне, а не на ученической. *«Дело это потом, — продолжает он, — после двух дней криков против меня, утихло. Мы никого не наказали, понадеялись на совесть семинаристов. И тогдашний Санкт-Петербургский митрополит Антоний одобрил нашу снисходительность, а мне сказал: "Вот вам мой совет на жизнь: никогда не обращайтесь внимания на мелочи!"»* «После нескольких месяцев инспектирования меня назначили ректором семинарии в Крым, — продолжает владыка. — Это было на святках. Воспитанники разье-

хались по домам, оставалась небольшая группа сирот и бедных. Они сердечно провожали меня общим чаем. Было мило: прошлое забылось и стерлось.

— Отец инспектор! Неужели вы уходите от нас оттого, что мы учиняли дебош против вас? — мягко спросил один.

— Нет! У меня осталось теплое воспоминание от вас, а переводят нас, монахов, не спрашивая; куда пошлют, туда и иди».

Таким образом, 21 декабря 1911 года по рекомендации митрополита Антония (Вадковского) иеромонах Вениамин был назначен ректором Таврической духовной семинарии. А уже 26 декабря архиепископом Сергием (Страгородским) был возведен в сан архимандрита и вскоре отбыл в Крым на место своего нового служения, где его талант пастыря и проповедника раскрылся в полной мере.

Глава 6. Ректор Таврической и Тверской духовных семинарий (1912–1917)

Таврическая духовная семинария располагалась в городе Симферополе. После волнений 1905–1907 годов ее продолжало лихорадить: шли кадровые перестановки. В ноябре 1910 года управлять епархией назначили епископа Феофана (Быстрова). Не случайно, что отец Вениамин вскоре оказался рядом со своим наставником в роли помощника. Тем более что фигура ректора семинарии была второй по значимости в епархии после правящего архиерея.

В Крыму, как и в Санкт-Петербургской семинарии, архимандрит Вениамин с самого начала проявил твердость и неминуемо столкнулся с недовольством семинаристов. *«В Крымской семинарии, где я был ректором, мною на престольный праздник не позволено было устроить традиционные танцы семинаристов с "епархиалками" [воспитанницами епархиального училища] в семинарской зале, где прежде была домашняя церковь. Семинаристы бойкотировали акт, не придя на него демонстративно, а вечером, по семинарскому обычаю, разбили стекла... И тут было поступлено мирно. И ни в Тамбове, ни в Санкт-Петербурге, ни в Крыму не пришлось раскатыться в таком отеческом снисхождении: семинаристы это оценили, не злоупотребляли».* Ученики увидели, с одной стороны, решимость и твердость молодого ректора, а с другой — его незлобивость и нежелание идти на конфликт.

Обязанности ректора семинарии архимандрит Вениамин совмещал со множеством других хлопот. Он состоял председателем епархиального училищного совета и миссионерского комитета; производил дополнительную ревизию Успенского монастыря (Бахчисарайского); был председателем Комиссии по выработке порядка празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года; состоял представителем съезда епархиальных наблюдателей для обследования положения церковно-приходских школ Таврической епархии; а 5 марта 1912 года вступил в должность редактора Таврических епархиальных ведомостей, которые выходили три раза в месяц в одной обложке с неофициальной частью издания — «Таврическим церковно-общественным вестником».

Активная церковно-административная деятельность ректора продолжала совмещаться с общественно-просветительской и публицистической. Архимандрит Вениамин возглавил Церковное историко-археологическое общество Таврической епархии и в 1913 году обратился к местному духовенству с просьбой способствовать его работе и имеющихся при нем учреждений — церковно-археологического музея, архива и библиотеки. *«Общество приступает к своей работе по обследованию, охранению и собиранию памятников местной церковной старины и истории и, вспоминая дни древние, надеется учиться и учить других, воспитывая, по мере сил, интерес, уважение и любовь к местной церковной старине»*, — писал он.

Конечно, помимо обучения и воспитания учеников духовной школы, ректор семинарии продолжал неустанно совершать церковные богослужения и много проповедовать.

Помимо всего этого, в феврале 1913 года отец Вениамин сообщил читателям «Таврического церковно-общественного вестника» о решении завести постоянный отдел под заглавием «Запросы жизни», где смог бы отвечать на актуальные и волнующие вопросы современности. Все это вскоре было осуществлено. В том же году архимандрит Вениамин принял участие в организации торжеств по случаю 300-летия династии Романовых. Об этом владыка вспоминает так: *«Ясно, что идея 1913 года в подпочве своей имела робкое сознание ослабления царской идеологии не только среди интеллигенции, но и в массах. И понятно, что торжества были мало торжественны: отработывалась временная повинность. Это я особенно ярко увидел на губернаторском подобном торжестве в городе Симферополе, где я тогда был ректором семинарии».*

В зале красивого Дворянского собрания под председательством культурного и доброжелательного губернатора, графа Апраксина, было заседание <...> Нас из "общества" было человек 100—150... Граф говорил горячую (больше внешне) соответствующую речь. В заключение громко предложил крикнуть за династию "ура".

Но что же вышло? Кроме его голоса да нескольких нас, собравшиеся почти не поддерживали. Стало очень конфузно... А у меня промелькнула мысль: идея царя тут мертва... А народ и вовсе не праздновал никак.

Не знаю, как проходили торжества в других местах. Но если бы я был в то время на месте царя, то меня охватил бы страх: это было не торжество, а поминки... И следовательно, нужно было делать из них соответствующие государственные выводы. Но отпраздновали, раздали медали и опять "успокоились"».

За службу в Таврической епархии и в связи с празднованием «300-летия дома Романовых» архимандрит Вениамин тоже был награжден орденом Св. Анны 2-й степени, но, пожалуй, никогда его и не надевал. А 26 августа 1913 года он был уже назначен ректором Тверской духовной семинарии, то есть переведен из Крыма в Центральную Россию.

Этот перевод в Тверь владыка не мог впоследствии для себя однозначно объяснить. Никаких нарушений или небрежения к службе за ним не замечалось. Однако сам он его связывал с тем, что семинария в Твери тогда была гораздо многочисленней, нежели Таврическая. И тут же упоминал о ходивших слухах, что в его переводе было замешано имя Григория Распутина: неудобно было держать в Крыму, близко к царской даче в Ливадии, его противника, слишком много знавшего. *«Еще ранее меня, — писал владыка, — вопреки своему желанию, переведен был из Крыма в Астрахань и известный епископ Феофан — по той же самой причине. По крайней мере, так думали и педагоги».*

Чтобы прояснить данное обстоятельство, следует упомянуть о том, что, когда стали выявляться факты, свидетельствующие против Григория Распутина, епископ Феофан (Быстров) попытался нейтрализовать влияние последнего на императрицу Александру Федоровну. Собранные материалы против Распутина он передал на хранение тогда еще секретарю архиепископа Сергия иеромонаху Вениамину. Последний снял копии с документов и отвез их в Санкт-Петербург митрополиту Антонию (Вадковскому) для передачи царю. Чуть ранее и сам иеромонах Вениамин встречался с императрицей и имел возможность убедиться в том, как возвышенно она смотрела на Григория Распутина. *«Я попытался несколько смягчить и ослабить такой восторг ее, — вспоминал владыка, — но это было совершенно бесполезно».* И епископ Феофан, и архимандрит Вениамин неоднократно лично увещевали Распутина изменить образ жизни, но все было напрасно. Открыть глаза на этот вопрос другим лицам, приближенным ко двору, им также не удалось: *«...нас мало слушали, он был сильнее»*, — вспоминал владыка. Все эти обстоятельства, а также активное противодействие влиянию Распутина, видимо, не остались без последствий. Сначала отец Вениамин, так же как и епископ Феофан, был удален подальше из Петербурга — в Крым, а затем один направился в Астрахань, а другой — в Тверь. Впрочем, подобные перемещения с места на место для Синодальной эпохи Русской Православной Церкви были обычной практикой. Здесь зачастую политика грубо вмешивалась в дела церковные.

Тем временем в период своего ректорства архимандрит Вениамин продолжал во время отпусков совершать паломничества по святым местам. Он вспоминал: *«Уже не помню, почему и как я, будучи ректором Таврической семинарии, решил к концу летних каникул посетить Оптину. На следующий год или через два я вторично побывал там, будучи ректором Тверской семинарии. Жил недолго — не больше двух недель».* Паломничества становились для отца Вениамина школой сосредоточения и молитвы, послушания и смирения. Старцы Оптиной пустыни, Зосимовой пустыни, скитов Троице-Сергиевой лавры были для него примером не только пастырского служения, но и монашеского делания. Свои впечатления от этих встреч он подробно

опишет в книге «Божьи люди», в записках «Промысел Божий в моей жизни» и других своих воспоминаниях и заметках. Все это формировало тот монашеский, религиозный настрой будущего архипастыря, который он пронесет через всю свою жизнь. И главным в этом настрое будет смирение и послушание священноначалию, верность монашеским обетам и Святой Церкви.

На указе о перемещении архимандрита Вениамина в Тверь его правящим епископом Димитрием (Абашидзе), который в августе 1912 года сменил в Крыму епископа Феофана, была положена следующая резолюция: *«С глубочайшим сожалением расстаюсь с дорогим о. ректором Вениамином. В продолжение целого года был моим неустанным помощником архимандрит Вениамин. Будучи прекраснейшим священнослужителем-иноком, о. архимандрит Вениамин принимал живое участие в устроении церковных торжеств. Даровитый, талантливый проповедник слова Божия, о. Вениамин, не зная усталости, оглашал городские храмы Божиим и иные собрания православных христиан назидательной, трогательной проповедью, произнося иногда по 3–4 проповеди в день. Стоя с подобающей честью и осязательной пользой во главе многих епархиальных учреждений, о. ректор нашел время и возможность основать и особый религиозно-философский кружок и много, много поработал для его осуществления. кипучая церковная деятельность о. ректора в г. Симферополе, я уверен, никогда не изгладится из памяти лиц, имевших возможность так или иначе знать его. Талантливое же педагогическое, административное служение о. ректора, исполненное энергии, мужества, сердечности, мягкости и снисходительности, надеюсь, навсегда сохранит в сердцах его бывших воспитанников и сослуживцев благодарную молитвенную память о нем. Да поможет ему Господь и на новом месте служения его быть столь же трудолюбивым, плодотворным, непостыдным Христовым воином, каким знал я его в г. Симферополе. Тверская духовная семинария — одно из многолюдных наших духовных учебных заведений, и призван туда от нас о. ректор высшим священноначалием, вне всякого сомнения, как талантливый молодой энергичный педагог-администратор, заслуживающий всякого поощрения. Глубоко почитая о. ректора, не могу молитвенно не пожелать ему и скорого архиерейства ради вящей славы Христовой Церкви».*

В сложившейся политической обстановке скорое архиерейство архимандриту Вениамину, казалось бы, не грозило. Тем более что его земляк и покровитель, первенствующий член Святейшего Синода митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Антоний (Вадковский) еще в ноябре 1912 года отошел ко Господу. Но тем важнее пророческие слова епископа Димитрия — в будущем исповедника, схимника и преподобного.

По уже сложившейся практике архимандрит Вениамин основал в Твери православное религиозно-философское общество, в состав которого вошло значительное количество как духовных, так и светских лиц. Сам отец Вениамин был включен в состав Тверского братства св. блгв. кн. Михаила Ярославича и Тверского епархиального миссионерского совета. Причем в отличие от Таврической епархии главным редактором местного церковного печатного органа он назначен не был. Возможно, именно поэтому проповеди архимандрита Вениамина в «Тверских епархиальных ведомостях» не публиковались. Исключением стало «Слово по поводу неожиданной смерти Высокопреосвященнейшего архиепископа Антония [Каржавина], сказанное в Тверском кафедральном соборе за литургией при отпевании усопшего» в марте 1914 года.

Как уже было сказано выше, Тверская семинария была весьма многочисленной. Если в Таврической духовной школе обучалось около 300 учеников, то здесь, к примеру в учебный 1914/1915 год, насчитывалось 883 ученика. Охватить своим вниманием всех воспитанников ректор попросту не мог. Поэтому архимандрит Вениамин всячески старался воздействовать на них живым словом с церковного амвона. Так, например, 1 ноября 1913 года, в торжественный «Тихонов день», посвященный памяти святителя Тихона Задонского, покровителя Тверской семинарии, ректор произнес слово о «счастье веры». Именно о том, что было так необходимо сохранять в духовной школе молодым, неокрепшим сердцам. Касаясь современных

пессимистических воззрений на цель и смысл жизни, доводящих человека даже до самоубийства, архимандрит Вениамин делал вывод, что основной причиной этого бича современности является отсутствие живой религиозной веры, «единственной умиротворяющей силы во встречающихся тяжелых душевных переживаниях и страданиях человека в жизни». *«Эту мысль, — сообщал очевидец, — о. ректор аргументировал выдержками из сочинений Толстого и описанием его кончины, во время которой Толстой признал необходимость живой религиозной веры. Вообще вера, по глубокому убеждению о. ректора, является великой силой в истории человеческой жизни: она сообщает смысл жизни, утешает человека в страданиях, душевных и телесных, освобождает его от греховных мук и является на помощь человеку в последние минуты жизни, даруя ему спокойную и тихую смерть»*. В этой проповеди будущего святителя мы видим те «наброски», которые он впоследствии систематизировал и изложил в своем труде «О вере, неверии и сомнении».

По примеру своего обучения в Санкт-Петербургской духовной академии и по опыту Таврической семинарии, архимандрит Вениамин устроил в Твери «богословский кружок», собрания которого проходили еженедельно в вечернее время в учительской комнате, актовом зале семинарии, либо в квартире самого ректора. Кроме воспитанников, в собрании принимали участие и некоторые лица из духовенства. Иногда присутствовали здесь и преподаватели. В начале собрания кем-либо из участников зачитывался доклад-реферат, после чего начиналось его обсуждение. Нетрудно представить, какое здесь царило оживление и непринужденность, о чем свидетельствовал один из участников собраний. *«Да и как тут не быть живому интересу, — писал он, — когда каждый имел возможность сказать "свое" слово, высказать свои мысли, давнишние думы о тех вопросах, которые так близки уму и сердцу семинариста-богослова, будущего кандидата пастырства»*. Чтобы представить то, о чем говорили участники «кружка», достаточно перечислить темы докладов: «Почему семинаристы не идут в священники?», «Желательно ли назначение жалования духовенству?», «Позволительны ли удовольствия для духовенства» и т.д. Как видим, темы докладов были весьма практичными и важными для будущих пастырей.

Нередко и сам архимандрит Вениамин готовил выступление на собрании. Так, в докладе «Брак и пастырство» он затрагивал вопрос о предпочтительности брака или безбрачия для духовенства. Ректор обращал внимание воспитанников на то, что сторонники реформы церковной «брачной» практики порой забывают о светлых, положительных сторонах семейной жизни пастыря. *«Прежде всего, самый подвиг девства разве может быть удобно сим для большинства рядовых сельских пастырей? — задавался вопросом о. ректор. — "Не вси вмещают словесе сего (закона девства), но имже дано есть" (Мф. 19, 11). Требования природного инстинкта, — продолжал он, — при вынужденном безбрачии часто склоняют пастыря-целибата, как мы видим на примере многих католических ксендзов, к внебрачному нарушению девства или же приводят пастыря к мучительному, внутреннему "разжжжению" (1 Кор. 7, 9), заставляя его терять самое важное качество пастыря — внутреннее спокойствие духа. И брак в этом отношении есть спасительное "восполнение человеческого естества" для пастыря. Затем, в семейной жизни даруется и избавление от того мучительного чувства одиночества, которое почти неизбежно должно появиться в душе безбрачного одинокого пастыря. В семье пастырь находит поддержку в своем деле, советы, ласковое слово, утешение... Самая семья пастыря есть малая церковь (Еф. 5, 23) — образец для прихожан в их семейной жизни... Да и семейные труды, волнения, заботы имеют не одни только отрицательные стороны, — они воспитывают волю пастыря, приучают его к борьбе, смирению, труду по жизни»*.

Воспитывая и наставляя таким образом будущих священнослужителей, отец Вениамин подводил слушателей к выводу, что *«действительно, права Православная Церковь, предписывающая пастырю достойно проходить свое высокое служение не в блестящем, правда, и не в выдающемся, а в скромном, незаметном, но все же "подвиге" мирной брачной жизни»*. Свои мысли

и наблюдения на эту тему архимандрит Вениамин оформил в небольшую брошюру «Брак и пастырство», которая была издана в Санкт-Петербурге в 1914 году.

Другой его доклад, на тему «Мировоззрение и жизнь», затрагивал вопрос о взаимосвязи и взаимовлиянии жизни человека и его мировоззрения. Практическим выводом всех его примеров и рассуждений являлась мысль о важности в жизни людей воспитания, так как именно в воспитании преимущественно вырабатывается жизненный облик «внутреннего человека».

В докладе «Общественное значение христианства» о. Вениамин различал «два великих служения христианства обществу — служение социальное, в обычном, узком смысле этого слова, и служение высшее, духовно-общественное». *«Неоценимая заслуга христианства для общества, — говорил он, — заключается в том, что оно внесло новые высшие понятия о характере повиновения общественной власти. Вместо внешнего принудительного "рабского" соподчинения членов общества "ради пользы", христианство вносит в это повиновение обществу принцип "свободы". Христианин воздаёт "кесарево кесареви" "не за страх", не из-за боязни и не ради "железной" внешней дисциплины "общественного блага", а "за совесть" — по внутреннему свободному акту своего произволения, в основе которого — "любовь к Богу", свободное признание высшего авторитета, а не принудительно действующее сознание "пользы" общест-венности».* Здесь мы видим уже сформировавшееся представление будущего святителя о христианском отношении к власти. Вопрос, который он считал очень важным.

Как видим, архимандрит Вениамин напряженно всматривался в современную ему жизнь, следил за общественными движениями в России и старался осмыслить их через призму христианского мировоззрения, через отношение к Богу. Так, после исключения Василия Васильевича Розанова из членов Петербургского религиозно-философского общества за выступления в печати по поводу дела Бейлиса, он писал философу: *«Теперь Вы еще более убедились, вероятно, что, действительно, в "мире" — мало любви; и если еще сохраняется где-то теплота, то именно в Христовой Церкви, или точнее — во Христе, а через Него и в живущих Им. Чрез "отлучение" Вы стали нам ближе <...>. Не скорбите: Вы не одиноки, и именно "душевно"... не один, а с Церковью Христовой».*

Местом собраний местного Тверского православного религиозно-философского общества, в котором архимандрит Вениамин состоял председателем, служили зал и гостиная его квартиры. Здесь, так же как и в семинарском «богословском кружке», на собраниях заслушивались и обсуждались доклады-рефераты на различные темы религиозно-философского и нравственно-практического характера. Большинство тем предлагалось самим «неутомимым о. архимандритом». Со временем интерес к обществу возрос, привлекая все новых и новых членов. Тематика докладов несколько отличалась от семинарских. Так, на собрании 6 октября 1916 года был заслушан доклад архимандрита Вениамина на тему: «Что такое духовная жизнь?» И, как бы вторя известному труду святителя Феофана (Затворника), после заслушивания его собрание пожелало выслушать и ответ на вопрос: «Как начать и настроиться на духовную жизнь?» Ответом для собравшихся послужил доклад, прочитанный архимандритом на следующем заседании 12 октября, где он указывал «общие пути к возгреванию в себе духа ревности ко спасению: таинства, молитвы, скорби».

Как и обычно, летние месяцы отец Вениамин проводил в паломнических поездках, но и не забывал навещать свою малую родину. В августе 1914 года он принял участие в торжествах по случаю обретения мощей и прославления святителя Питирима Тамбовского. Здесь будущий святитель Вениамин удостоился чести начать торжественное всенощное богослужение в Спасо-Преображенском соборе города Тамбова, где покоились мощи святителя Питирима.

В это время уже разгорелась Первая мировая война и в городах было заметно патриотическое движение. Однако, по воспоминаниям и впечатлениям самого владыки, *«в мирных сельских крестьянских массах (рабочих я мало знал) воодушевления не было, просто шли на смерть исполнять долг по защите Родины».* Он писал: *«Ничего особенного за эти три года*

войны, что я мог бы внести в свои записки, не помню. Разве лишь могу вспомнить известную дурную речь члена Думы Милюкова, брошенную им в лицо царице с разными обвинениями: "Глупость это или измена?!" <...> Подобные речи думцев лишь разжигали революцию и ослабляли энергию сопротивления немцам. Впоследствии таким ораторам самим пришлось испить чашу изгнания, а некоторым — отдать и жизнь».

Продолжая свое служение в Твери, архимандрит Вениамин ходатайствует перед обер-прокурором Саблером об открытии семинарского храма и уже в 1916 году с помощью собранных воспитанниками через подписные листы средств начинает его роспись. Он так вспоминает об этом: «При моем ректорстве (1913–1917 гг.) перестраивалась и расширялась в Тверской семинарии домашняя церковь на 1000, а с прилежащими классами и на 1200 человек, вместо прежних 100–200. Сколько трудов я положил туда! и с увлечением... После чудесно расписали ее в васнецовско-нестеровском стиле. И... говорили, что будто потом в подвалах здания была "Чека". А теперь, после немцев, остались ли даже стены от этого желтого красивого огромного четырехэтажного здания, с прекрасным храмом внутри?» Здание сохранилось. В нем расположилось Тверское суворовское военное училище.

Далее владыка пишет: «После постройки храма мне захотелось украсить его святыней. В XVIII столетии ректором этой семинарии был святой Тихон (Соколов), впоследствии епископ Воронежский и Задонский. Мне и пришло желание привезти частицу от его святых мощей в Тверскую семинарию. За ней пришлось мне проезжать маленькой дорогой по нескольким центральным губерниям: Тверской, Московской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской. И чего только я не слышал в вагонах второго класса, то есть среди "общества"... Критика царя среди "публики" шла совершенно открыто. В частности, это ставилось и в связи с именем Распутина. Я поражаюсь подобной вольностью. А когда воротился с мощами и их встречали на станции с крестным ходом, я сказал речь на тему: "Братья! Страна наша стоит на пороховом погребке!" — и расплакался. После передавали мне, что один из преподавателей Священного Писания, острослов-толстячок, говорил иронически другим:

— Наши ректор-то расчувствовался как!

Он не верил в грядущую революцию, а я уже узрел ее лик своими глазами».

Во время летних каникул архимандрит Вениамин организовал учащихся семинарии оказывать помощь крестьянским хозяйствам в уборке урожая. Объявления об этом были расклеены по церквям Тверской епархии. Откликнулось 45 человек из разных классов. Работы производились в имениях крестьян от 5 до 10 дней, в зависимости от числа учащихся. С 10 июня по 1 июля 1916 года семинаристы занимались уборкой сена. А с 1 по 20 августа — уборкой хлеба. За эти труды хозяева предоставляли питание и благодарили словесно. По воспоминаниям участников этих работ, «жило в деревне хорошо, и работали мы с охотой и удовольствием».

В этот же период, 21–22 мая 1916 года, архимандрит Вениамин организовал в семинарии I Всероссийский съезд преподавателей гомилетики духовных семинарий. На повестке дня были вопросы: общий обзор состояния гомилетики в семинариях и причины упадка проповедничества; методы практического изучения гомилетики; меры к поднятию проповедничества среди воспитанников. Съезд признал желательным, чтобы «письменные проповеди, представленные в семинарию, обратно не возвращались, а сохранялись как материал для характеристики проповеднического развития учащихся». Отмечалась также желательность устройства при семинариях проповеднических библиотек, «с которыми могли бы знакомиться учащиеся».

В январе 1917 года о. Вениамин был вызван в Петроград «по делам службы». А в марте, после Февральской революции, на педагогическом собрании Тверской семинарии ректор выступил с краткой речью о новом положении церковной и школьной жизни. В слове к учащимся он указывал, что в душе каждого из них должны быть добрые семена христианских убеждений, освященных верой в Бога, и что в такое трудное время особенно важно иметь нрав-

ственную опору. В этом же выступлении владыка упомянул о том, что «Государь Император, после долгих колебаний, в тяжелую минуту жизни России, счел нужным отречься от престола в пользу брата, который, в свою очередь, отказался от престола до Учредительного собрания. Теперь временно управляет Россией Временное правительство, которому мы должны повиноваться. Сами события покажут, к чему они приведут. А наша обязанность теперь — быть спокойными».

Одна из наиболее ярких речей, произнесенных архимандритом Вениамином в Твери, была посвящена значению священнического служения. На торжественном акте 11 февраля 1917 года, обращаясь к выпускникам, ректор указывал, что «профессия священника есть профессия не по выбору, а по призванию, и которая по своим целям и смыслу является самым высоким и светлым служением на земле. Человек, удостоившийся благодати священнического служения, по словам о. ректора, должен почитать себя самым счастливым из всех, ибо это служение — истинное и самое высокое счастье, выпадающее на долю немногих избранных». Но никакие усилия не могли остановить надвигавшейся катастрофы. В пастыри шло очень мало воспитанников-выпускников.

Денег повсеместно не хватало. Сказывалось удорожание продуктов. Даже на собственную духовную семинарию епархиальный съезд Тверского духовенства не мог отпускать достаточно средств. Весной 1917-го года ввиду этого пришлось на две недели раньше окончить учебные занятия и распустить семинаристов по домам.

Февральская революция застала архимандрита Вениамина в Твери. 17 марта в кафедральном соборе за всенощной в преддверии Крестопоклонной седмицы Великого поста он совершал вынос креста. А в конце всенощной в своем слове призвал верующих к спокойствию и к признанию новой власти. *«Эта власть, — говорил архимандрит Вениамин, — явилась вполне законно, ибо сам Государь счел своим долгом для блага Родины отречься от престола в пользу брата — Михаила Александровича, а последний, сознавая особую тяжесть переживаемого времени, отказался в пользу Временного правительства, составившегося из членов Государственной думы до Учредительного собрания, которое и установит образ правления Россией. Единственной властью сейчас является Временное правительство, которому и следует повиноваться. Сам Господь велел воздавать кесарю кесарево (Мф. 22, 21), а апостолы учили признавать существующую власть (Рим. 13, 1–5)»*. В заключение он призвал верующих поклониться св. Кресту, чтобы распятый на нем Христос молитвами Богородицы и российских защитников — святых угодников Божиих — помог всем жить и делать все только для блага дорогой Родины. Впоследствии владыка писал: *«Произошло событие, небывалое в истории России: не только низвергли царя и богатых, но и веру в Бога!»* По его искреннему убеждению, тому, чему суждено свершиться Промыслом Божиим, невозможно противостоять, и нужно было принять случившееся. *«Есть Бог, Который всем правит. И всякий делает свое дело»*, — писал он.

Несмотря на то что отец Вениамин все же официально не присягал Временному правительству, его монархические чувства значительно угасли. Еще в Тамбовском духовном училище Иван Федченков заплакал, узнав о смерти царя Александра III, а затем, спустя десять лет, будучи уже иеромонахом, писал письмо к царю Николаю II с подписью в конце «преданный до смерти». И вот, спустя десять лет, что-то вдруг изменилось, *«что-то порвалось...»*. *«И для меня, — писал он, — большая психологическая загадка: как же так быстро исчезло столь горячее и, казалось, глубокое благоговейное почитание царя?»* Это чувство начало ослабевать уже до революции, но после нее исчезло безвозвратно. И все же владыка писал: *«С удалением царя и у меня получилось такое впечатление, будто бы из-под ног моих вынули пол и мне не на что было опереться. Еще я ясно узрел, что дальше грозят ужасные последствия»*.

Ввиду обострения туберкулеза, архимандрит Вениамин с 15 апреля 1917 года был в отпуске, который продлил до 5 августа. И почти все лето провел на излечении в Крыму, в сева-

стопольском Георгиевском монастыре. Но и в этот период он не оставлял своих забот о Тверской семинарии. 17 июля 1917 года на педагогическом собрании был заслушан его доклад о поездке в Петроград в Учебный комитет и хозяйственное управление при Св. Синоде с прошением о получении дополнительных ассигнований для Тверской семинарии. Ответ был неудовлетворительный. Ввиду этого собрание постановило начать занятия в Тверской семинарии только со 2 октября.

В сентябре 1917 года постановлением преподавательской корпорации Таврической духовной семинарии и по благословению архиепископа Таврического Димитрия (Абашидзе) архимандрит Вениамин повторно занял пост ректора этой семинарии (до 1919 года). А 6 октября 1917 года, уже как член Поместного Собора Православной Российской Церкви, он пишет на имя митрополита Московского Тихона (Беллавина) прошение *«отправиться в г. Симферополь, чтобы вступить в определение должности»*. Вскоре, 10 октября, он посылает из Симферополя телеграмму с ходатайством о продлении отпуска еще на неделю по *«обстоятельствам семинарии»*.

В «Тверских епархиальных ведомостях» в это время сообщалось: *«Ректор семинарии архим[андрит] Вениамин покидает Тверскую семинарию; он возвращается на место прежнего своего служения — ректора Таврической духовной семинарии, согласно избранию учительской корпорации последней. Оставить Тверь о. ректора побудило нездоровье и неподходящий для него тверской климат. Тверская паства очень сожалеет об уходе уважаемого о. архимандрита Вениамина. Она любила его как хорошего и неутомимого проповедника слова Божия, как инициатора и душу местных религиозно-просветительских и благотворительных обществ. Тверякам хорошо известно, с какой любовью и интересом посещались всегда и духовными, и светскими лицами беседы основанного о. ректором религиозно-философского кружка»*.

Тверской период служения архимандрита Вениамина подошел к концу, он снова возвращался в Крым, где ему было суждено много потрудиться и где, согласно давнему чаянию архиепископа Димитрия (Абашидзе), он будет возведен в святительский сан, а впоследствии и возглавит духовенство армии и флота вооруженных сил Юга России.

Служение в Твери пришлось на трудное военное и предреволюционное время. За этот период на Тверской кафедре сменилось два архиерея. Из Тверской семинарии была выделена Кашинская духовная семинария. Произошла смена гражданской власти. Все эти волнения внешнего мира не поколебали будущего святителя, твердо стоявшего на камне веры. Характеристики, данные архимандриту Вениамину разными лицами, не были простыми дежурными фразами. Они действительно отражали подлинный дух его служения на ниве Божьей, результатом которого стало его избрание от нижних чинов Тверской епархии на Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917—1918 гг.

Глава 7. Участие в Поместном Соборе Российской Православной Церкви (1917–1918)

Священный Собор Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. известен прежде всего восстановлением Патриаршества и устроением церковной жизни в новых, изменившихся в ходе революции, условиях. Член Собора митрополит Вениамин (Федченков) писал, что *«вне всякого сомнения, Собор имел чрезвычайно важное значение для Русской Церкви, поставив ее на собственные ноги во внутренней жизни и дав ей четкую организацию, начиная Патриархом и кончая простыми жителями, членами приходских советов»*.

Весной 1917 года, лишившись «тесного» покровительства в лице монархической власти, Русская Православная Церковь приступила к активной подготовке созыва Собора. Выработкой материалов к нему занялся Предсоборный совет. Он работал в Петрограде с 12 июня по 1 августа 1917 года и подготовил для будущего Собора целый пакет законопроектов. Все они должны были по принятии их Собором составить новую нормативно-правовую базу существования Русской Церкви.

В конце июля — начале августа 1917 года по всей России состоялись выборы делегатов на Собор. Выборы были трехступенчатыми: 23 июля в приходах избирались выборщики, 30 июля выборщики на собраниях в благочиннических округах избирали членов епархиальных избирательных собраний, а 8 августа епархиальные собрания выбирали делегатов на Собор.

Кандидатура ректора Тверской духовной семинарии архимандрита Вениамина была выставлена на голосование в общем епархиальном собрании Тверской епархии низшими клириками и набрала наибольшее количество голосов. В самом факте избрания его на Собор «от дьячков» можно было увидеть отголоски той «церковной революции», которая летом 1917 года коснулась Тверской епархии и выражалась, в частности, в удалении правящего архиепископа Серафима (Чичагова) от управления епархией. Сам архимандрит Вениамин эти события не застал.

Возможно, сословная близость и сыграла в этом выборе решающую роль. Знали или нет выборщики о крестьянском происхождении архимандрита, уже не столь важно. По словам владыки, они понимали, что он желает защищать не чьи-то сословные интересы (священников, монашествующих или псаломщиков), а веру, Церковь и Родину. То, что почувствовали простые дьячки и псаломщики, поверив в молодого архимандрита-ректора, являло собой глубокую и искреннюю веру простого народа, которой обладал и сам архимандрит Вениамин. Он писал: *«Я лично всегда верил в "мужиков", в их здравый смысл, который в конце концов поправит дело. И особенно верил в сметку великодержавного великорусского племени. Не буду вдаваться в подробности и причины этой особенности народа, но скажу: помимо иных естественных причин и его целины, здесь немалое значение имело и здоровое Православие, — в отличие от искусственного католицизма, и от сентиментального протестантизма, и убогодочного, однобокого сектантского рационализма...»* Простая вера и глубокие богословские познания как нельзя лучше подходили для делегата в Москву. Поэтому лучшего защитника Православия на Соборе, чем архимандрит Вениамин, тверские дьяконы и псаломщики найти не могли. *«На всем Московском Соборе, — продолжает архимандрит Вениамин, — кажется, еще одно духовное лицо прошло подобным образом — архимандрит, настоятель монастыря Костромской епархии. Прекрасная душа! Другие члены из низшего клира были, в общем, хорошие люди, совсем не социал-дьячки»*.

Священный Собор Православной Российской Церкви был открыт 15 августа 1917 года торжественным богослужением в Успенском соборе Кремля. На него съехались представители всех епархий, прибыли люди различных сословий, состояний и возрастов. Всех их объединяло одно — дело великого церковного строительства и забота о будущем России. В состав Собора

входили 564 члена, в том числе 227 — от иерархии и духовенства, 299 — от мирян. Невиданное доселе дело.

О первом торжественном богослужении владыка Вениамин вспоминает так: *«Я стоял на левом клиросе среди других духовных. Рядом с нами было царское место — красивый резной золоченый балдахин. А в другой стороне, около правого клироса, было патриаршее место, более простое, даже архитектурно аскетическое, старинное, древнее. И оно было пустым 217 лет. Но все же стояло, дожидаясь своего времени»*.

В последующие дни соборные заседания проходили в отремонтированном Московском епархиальном доме в Лиховом переулке, а также в духовной семинарии и синодальном училище. Общие заседания Собора велись в церковном зале в епархиальном доме в первую половину дня. *«Впереди были возвышенные места для президиума и архиереев, сидевших лицом к Собору, [состоящему] из духовенства и мирян, — вспоминает владыка. — Сзади епископов — алтарь. Все мы находились как бы перед лицом Самого Бога»*. Заседания по различным отделам проходили во второй половине дня. В отделы предварительно записывались соборяне для обсуждения и выработки конкретных законоположений по тем или иным церковным вопросам: административным, епархиальным, приходским, учебным, богослужебным, экономическим и т. д. Далее законопроекты должны были поступать для обсуждения и принятия на общем заседании Собора.

На тот момент ректор Тверской духовной семинарии, а с сентября 1917 года избранный и утвержденный ректор Таврической семинарии, архимандрит Вениамин принимал самое активное участие в работе соборных отделов о Высшем церковном управлении, о церковной дисциплине, о проповедничестве, богослужении и храме, о епархиальном управлении, о монастырях и монашестве, о духовных академиях и духовно-учебных заведениях, в уставном отделе. Он работал в различных комиссиях, в подсчете голосов, неоднократно выступал на общих заседаниях Собора.

В условиях стихийного разгула анархии в церковном управлении, архимандрит Вениамин прежде всего считал своим долгом отстаивать на Соборе каноническую незыблемость власти епископов. На первых же заседаниях отдела о епархиальном управлении и отдела о высшем церковном управлении в выступлениях ораторов проявились отголоски той «церковной революции» лета 1917 года, когда власть епископов в епархиях существенно ограничивалась за счет белого духовенства и представителей «низшего» клира через новосозданные епархиальные советы. Законопроект Предсоборного совета о епархиальном управлении низводил правящего архиерея на один уровень с другими членами епархиального совета, дела в котором должны были решаться простым голосованием.

Активным сторонником ограничения власти епископов стал бывший профессор Московской духовной академии и будущий деятель обновленческого движения Александр Иванович Покровский. На Соборе он выступал главным оппонентом архимандрита Вениамина по разным вопросам. Покровский считал, что соборность на уровне епархиального управления должна выражаться в коллегиальности и равноправии епископа с клириками и мирянами. Сравнивая Церковь с человеческим организмом, он говорил, что ее низшие члены (клирики и миряне) атрофированы, в то время как высшие (епископы и черное духовенство) гипертрофированы. *«Чтобы исцелить нашу Церковь от этого паралича, — утверждал он, — необходимо восстановить правильную циркуляцию всех жизненных соков церковного организма, надо призвать к активной жизни и работе все атрофированные члены Церкви»*.

С такой постановкой вопроса категорически не мог согласиться архимандрит Вениамин. 15 сентября на 5-м заседании отдела о высшем церковном управлении он приводил в защиту своей точки зрения слова св. Иоанна Златоуста: *«Равенство — есть уничтожение братства»*. Действительно, у святителя мы находим следующее сравнение Церкви с организмом человека. В толковании на Послание апостола Павла к Римлянам (Рим. 13, 1) он пишет: *«Так как равен-*

ство часто доводит до ссор, то Бог установил многие виды власти и подчинения, как-то: между мужем и женою, между сыном и отцом, между старцем и юношею, рабом и свободным, между начальником и подчиненным, между учителем и учеником. И почему ты удивляешься этому в отношении к людям, когда то же самое Бог устроил и в теле? И здесь Он не все члены устроил равночестными, но сделал один меньше, другой важнее, одни для управления, другие для подчинения».

«Правда, в жизни сложилось много ненормальностей, — подчеркивал архимандрит Вениамин, — между прочим и то, что епископы превышали границы своей власти. Но от этого не следует уничтожение епископской власти. Власть необходима. Она имеет Божественную природу, а равно любовь христианская — истинная — без власти не бывает. Если будут отрицать, что здесь не борются против власти, то это неправда. Эта борьба чувствуется». Далее он призывал соединить два принципа — любовь и власть. И считал, что борьба против власти — это борьба антисоборная.

Архимандрит Вениамин обращал внимание собравшихся и на то, что необходимо следовать церковным канонам. Каждый Собор начинал именно с этого. *«Неужели мы переселились на Марс и потеряли все правила, книги и каноны! — восклицал он. — Каноны есть сформированная история в лучших идеальных проявлениях. А в канонах там ясно, как велика власть епископская. В ней вся полнота священной власти».* Именно поэтому она должна стоять в основе церковного управления. И спасение Церкви *«не в епископах как личностях, не в принципах их власти и не в правах, которых требуют себе миряне».* Спасение Церкви, по мысли архимандрита, должно быть в духе Божиим — как в епископах, так и мирянах. *«И даже здесь, на Соборе, часто выступает спасение чрез мирян, — продолжал он, — мирян церковных. Часто раздаются и здесь голоса в защиту канонов. Спасение в каноническом соединении власти епископов и мирян. Власть — у епископов. Соборы — суть соборы епископов, как они и называются в канонах. Прочие участвуют на соборах только с совещательным голосом. Это вне всякого сомнения».*

Иными словами, архимандрит Вениамин видел в епископе духовный авторитет и власть, которые основаны не только на канонах (что и понятно), но и на его духовной жизни, отеческом отношении к священникам и пастве. Братство, равно как и отношение отца к сыну, должно быть сдобрено любовью. Клирике и миряне выступают в этом случае помощниками епископа, его советниками.

Архимандрит Вениамин не утверждал, что в руках епископов должна сосредотачиваться вся церковно-административная власть. В этом он видел явный перекося. Так, 25 сентября на заседании отдела о епархиальном управлении он пояснял, что *«по своей настроенности убежденно стоит на том, что работа епископа прежде всего духовная, и сам епископ должен пребывать в заботах о духовной жизни».* *«Простите, святители, — повторял он, — если я откровенно выскажу, что мне хотелось бы видеть в этом отношении со стороны епископов больше, чем наблюдается теперь. Масса посторонней работы отвлекает епископа от его прямого назначения».* И далее приводил в пример высказывание одного дьячка: *«Так много молебнов, что и помолиться некогда».*

Как в вопросах о власти и полномочиях епископа, так и в вопросах его выборов на местах, архимандрит Вениамин фактически выступал в одиночестве против мнения активного большинства. Эта черта вполне характеризовала его как на Соборе, так и ранее. Стоит, например, вспомнить, что, еще будучи молодым иеромонахом, он вместе с несколькими студентами академии отправился на заседание «Общества религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви», костяк которого составляла «группа 32-х» священников или «Союз церковного обновления». Эта группа в период революции 1905 года выступала за реформирование и «оздоровление» церковной жизни. *«Главное обвинение [этой группы] было в том, — вспоминает владыка, — что "старое" православие представлялось им — аскетическим,*

будто оторванным от мира, от трудовой жизни мирян, — отсюда и "засилие" монахов в прошлой истории Церкви, и господство епископства из монахов до последнего времени, и аскетический характер даже мирян, в частности — смиренный дух общества, не только сельского, но и в более высоких некоторых кругах... Это-то и не нравилось "32-м": в них, следовательно, уже коренился революционный дух по отношению к Церкви». Открыто об этом они тогда заявлять опасались и на заседании «Общества» поставили будто бы невинный вопрос — о «труде и молитве». Заседание, как и полагалось, началось с молитвы. Затем председатель, протопресвитер Иоанн Янышев зачитал «Тезисы» группы. После этого нужно было только проговорить, подписаться и направить в Святейший Синод «к исполнению». И здесь неожиданно взял слово молодой профессорский стипендиат иеромонах Вениамин. Со ссылками на святых отцов и историю Церкви он выступил в защиту «византинизма». Начались прения. В итоге времени не хватило, и заседание перенесли на неделю. «Пришли новые противники "Тезисов", — вспоминает владыка. — И дело это было окончательно остановлено... Слава Богу!» Позже отца Вениамина спрашивали об этом инциденте два члена Синода, дружные между собой в то время, — архиепископ Антоний (Храповицкий) и архиепископ Сергей (Страгородский). «Выслушали они меня. И архиепископ Антоний, с присущей ему резкостью, добавил:

— Мы бы ему (Янышеву) в Синоде показали "Тезисы"!

Тем дело и кончилось», — закончил владыка.

Это было его первое столкновение с так называемым «обновленчеством».

Другой случай произошло в Твери в период февральских событий 1917 года. Дня через три или четыре после переворота в зале мужской гимназии собрались педагоги всех учебных заведений. Некий комитет огласил приветственную резолюцию на имя Временного правительства со словами о «бескровной» революции. «А у нас только убили и истоптали губернатора...», — вспоминает владыка. — *Но если в Твери это слово и опустили, то повторяли его по всей России; суть одна». Председательствующий спрашивает: «Все согласны?» Несколько человек отвечают, что согласны. И тут архимандрит Вениамин с места говорит о несогласии и далее подробно поясняет свою позицию, резюмируя, что «Церковь в такие моменты должна быть особенно осторожна». Никто, конечно, к нему не присоединился. А в телеграмме педагогов так и было сказано: «Все [подписались], кроме ректора семинарии, архимандрита Вениамина».*

Эта черта владыки будет проявляться и впоследствии неоднократно в его жизни. Причиной тому будет не тщеславие или противопоставление себя большинству, а забота о правде, истине, несмотря ни на какие земные авторитеты и страх оказаться в меньшинстве.

Будучи сторонником восстановления патриаршества на Соборе, архимандрит Вениамин принимал активное участие в избрании на патриарший престол святителя Тихона. Тот же профессор А. И. Покровский в своих воспоминаниях отмечал, что главными и пылкими адептами патриаршества в особенности были два молодых архимандрита — Илларион (Троицкий) и Вениамин (Федченков).

Вопрос о патриаршестве стал самым длительным и напряженным на Соборе. Его обсуждение также началось в отделе о высшем церковном управлении и продолжилось на общих заседаниях Собора. Здесь с самого начала активную позицию заняли противники восстановления патриаршества. Они считали, что учреждение патриаршества станет ущемлять соборное начало в жизни Церкви. В основной своей массе это были те же представители преподавательской, а отчасти и профессорской среды духовных школ, и, «как люди с самоуверенным духом, большими знаниями и способными развязными языками, они производили большой шум: и по количеству подобных ораторов (они всегда выступали!), и по горячим речам их — иногда казалось, будто чуть не весь Собор мыслит так, как они звонят», — вспоминает владыка.

В заседаниях отдела о Высшем церковном управлении он выступал в поддержку восстановления патриаршества: «Если бы у нас было одно ответственное лицо — как болеющее

сердце, — это было бы очень полезно». Наконец 11 октября этот вопрос был вынесен на общее заседание Собора и явился началом пленарных соборных дискуссий о патриаршестве.

Помимо патриаршества, в отделе активно обсуждались вопросы о принципах соборности, составе и периодичности Соборов. Все это значительно затягивало его работу. Налицо было желание некоторых клириков и мирян не упустить возможности активно участвовать в церковном управлении как на высшем, так и на епархиальном уровнях.

Еще в Предсоборном присутствии возникла острая дискуссия о возможности или невозможности включения в состав Синода клириков и мирян. Если Синод можно было рассматривать как малый Собор, состоящий исключительно из епископов и являющийся высшим административным судебным органом, то наличие в нем клириков и мирян признавалось недопустимым. Но если Синод есть делегация большого Поместного Собора и его исполнительный орган, то принцип соборности в таком случае требовал присутствия в нем клира и мирян. Грубо говоря, Собор должен был выступать в роли законодательной церковной власти, а Синод — в роли исполнительной. Председателем Синода по новому законоположению должен быть Патриарх.

Сущность последующих прений в отделе заключалась в том, должно ли высшее церковное управление состоять из одного или двух органов, быть однопалатным или двухпалатным, должен ли править Церковью один Синод, который будет состоять из епископов, клириков и мирян, избранных Собором, или же клирики и миряне должны составлять особую палату — Высший Церковный совет (как это и было в Восточных Церквях).

3 ноября 1917 года на 21-м заседании отдела архимандрит Вениамин на все эти вопросы отвечал неизменно, что *«клирикам и мирянам грех участвовать на одних правах с епископами»*. *«Только епископам дана вся полнота церковной власти и только на них лежит ответственность перед Богом за Церковь, — говорил он. — Вторгаться в эту область клирикам и мирянам есть святотатство и грех, подобный греху Дадона и Авирона, хотевших кадить перед Господом (Числ. 16). Но епископам, конечно, трудно одним управлять Церковью, мы им должны помочь, и вот [для этого] должна быть вторая палата, сотрудничество при Священном Синоде»*.

Что же касается состава Высшего Церковного совета, то 6 ноября на 23-м заседании отдела архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов) предложил расширить представительство в нем мирян за счет уменьшения числа епископов и клириков. *«Пусть в Совете будут 3 епископа, 3 клирика (из них один в монашеском звании) и 6 мирян. Епископы по избранию Синода, из его состава, а клирики и миряне по избранию Всероссийского Собора. Затем, во имя местного представительства, каждый из епархиальных епископов при желании может присутствовать в Церковно-Народном совете [Высшем Церковном совете] с правом совещательного голоса, когда рассматривается дело, касающееся управляемой им епархии»*. К этому предложению архиепископа Кирилла присоединились архиепископ Евлогий (Георгиевский) и архимандрит Вениамин (Федченков). Данная формула, как собравшая больше всех голосов, была принята отделом и передана в общее Собрание для принятия.

Как уже было сказано выше, 6 октября 1917 года архимандрит Вениамин написал на имя митрополита Московского Тихона (Беллавина), председательствующего на Соборе, прошение *«отправиться в г. Симферополь, чтобы вступить в исполнение должности»* ректора Таврической духовной семинарии. 8 октября 1917 года он прибыл на место и провел встречу с преподавателями, ознакомился с общим положением дел в семинарии, сделал необходимые распоряжения. Через два дня архимандрит Вениамин послал телеграмму в Москву с ходатайством о продлении отпуска еще на неделю по *«обстоятельствам семинарии»*. В Симферополе он считал своим долгом поделиться впечатлениями о Соборе и 15 октября выступил с особым докладом в семинарской столовой, которая еле вместила всех слушателей. В своем выступлении он отмечал, что многие члены Собора оказались не подготовлены к обсуждению

целого ряда вопросов. И одним из них был вопрос об отношении Церкви к политике и государству. Так, ряд соборян высказывался в том духе, что если духовенство перестанет привлекать на сторону правительства «умы и сердца», то начальство потеряет силу, народ перестанет его слушаться, а в государстве начнется «безначалие». К этому течению, по мнению архимандрита, Собор относился отрицательно, поскольку *«власть должна сообразоваться с совестью народа, с его мыслями и желаниями»*.

Кроме прочего, архимандрит Вениамин указывал также, что на Соборе активно обсуждался вопрос о преподавании Закона Божия. Действительно, отдел о преподавании Закона Божия (законоучительский отдел) был создан на Соборе одним из первых. Уже 28 сентября Собором было принято определение «О преподавании Закона Божия в школе», в котором подчеркивалось, что во всех светских школах (государственных и частных), где есть православные учащиеся, Закон Божий должен быть обязательным предметом, а законоучитель должен пользоваться всеми правами государственной службы. Для того чтобы довести мнение Собора до сведения Временного правительства, в Петербург была направлена особая соборная делегация во главе с председателем отдела архиепископом Кириллом (Смирновым). Соборная делегация была вскоре принята А. Ф. Керенским, который дал ясно понять, что к этим вопросам он равнодушен. Было ясно — нить, связующая государство и Церковь, давно оборвалась.

Коснулся архимандрит Вениамин и вопроса о патриаршестве, говоря, что он встретил серьезное противодействие на Соборе и приводил слова многих соборян: *«К чему выбирать Патриарха? Патриарх — все равно что монарх; теперь он нам не нужен!»* Отдельно рассказал и о борьбе за ослабление власти епископов, говоря, что *«лично я против власти; мне больше нравится власть духовная»*. Правильно ли его поняли слушатели и те, кто впоследствии передавал его слова, мы не знаем. В целом в это время архимандрит Вениамин приходил к *«неутешительному выводу»* о деятельности Собора.

В тот же день он выехал в Москву, чтобы вернуться к участию в заседаниях Собора, где события развивались стремительным образом. Дело в том, что завершение прений о патриаршестве на Соборе совпало с одним из значимых событий в истории России — приходом к власти большевиков.

К вечеру 25 октября в Москве уже знали о победе большевиков в Петрограде. Утром 28 октября юнкера заняли Кремль, разогнав солдат кремлевского гарнизона и расстреляв нескольких из них. Архимандрит Вениамин в это время находился в Кремле. Он жил *«в одном крыле царского дворца, где были помещения для служивших царской фамилии»*, и стал свидетелем описываемых событий. *«Нам с архиепископом Кириллом [Смирновым], тогда Тамбовским, нужно было идти на заседание Собора»*, — вспоминает он. Здесь они стали свидетелями страшной расправы с пленными у Троицких ворот Кремля. Сначала сами укрывались от пуль, а потом помогали остальным носить раненых и убитых. По пустынной Москве сперва пешком, а затем на извозчике окольными тихими улочками они все же добрались до епархиального дома. *«Там все интересовались, что в Кремле?»*, — вспоминает владыка. После подробного рассказа архиепископа Кирилла соборяне заволновались. Перемещаться по Москве стало небезопасно. Некоторые члены Собора на заседание так и не смогли явиться. В тот же день на Соборе было решено прекратить прения по вопросу о патриаршестве и приступить к избранию Патриарха, а на следующий день совершить в Храме Христа Спасителя Божественную литургию и молебствие об умиротворении Родины. Если же позволят обстоятельства, то провести и крестный ход.

В течение 29 октября — 1 ноября силы Военно-революционного комитета большевиков смогли установить контроль практически над всем центром города, а 1 ноября начали обстрел Кремля, куда перебрался Комитет общественной безопасности, созданный Московской городской думой для противодействия восстанию. Обстрел Кремля продолжался весь следующий день, причинив ему значительные разрушения. *«На чьей стороне был я и вообще мы, члены*

Собора? — вспоминает владыка. — Разумеется, юнкера были нам более своими по духу. Не были мы и против народа. Но благоразумие говорило нам, что уже придется мириться с пришедшей новой жизнью и властью; и мы заняли позицию посередине, и, пожалуй, это было верно исторически: Церковь тогда стала на линию нейтральности, не отрекаясь от одной стороны, но признавая уже другую, новую».

Во время этих событий на Соборе выбирали и голосовали кандидатуру Патриарха. 31 октября определились с тремя кандидатами на патриаршество. Это были архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) и митрополит Московский Тихон (Беллавин). О месте и времени голосования должно было быть объявлено позже.

На следующем заседании 2 ноября постановили провести выборы 5 ноября в Храме Христа Спасителя. Тем временем в Москве было все еще неспокойно. При этом соборяне намеревались совершить большой крестный ход, чтобы остановить кровопролитие. Отдельно по этому вопросу взял слово архимандрит Вениамин. Сознывая всю ответственность опрометчивых решений в этот момент, он говорил: *«На Соборе пришлось слышать горячий призыв к великим религиозным подвигам, к святым порывам, и мне трудно будет говорить что-либо против. Но когда станешь разбираться в том чувстве, которое при этом у нас было в душе, тогда окажется, что в этих призывах говорит и самолюбие. Стыдно говорить против. И кто призывает к подвигам Ермогена, поддается чувству, но не особенно святому чувству: может быть, это делается из тщеславия?! В таком великом деле, как Соборное, надо быть осторожнее. Я лично подписал заявление о необходимости крестного хода. Мною руководило это же чувство: стыдно было не подписать. Подумавши, я прошу снять свою подпись: мною руководило тщеславие. И я высказываюсь против крестного хода. Теперь мы переживаем такое время, когда человек не ручается за себя: сделай неосторожный шаг, и жизнь висит на волоске. Вы скажете мне, что это трусость... Да, мне жизнь дорога. Я говорю искренно».*

Утром 3 ноября революционные отряды вступили в Кремль.

Как только окончились дни восстания и определилась большевистская победа, обе стороны совершили обряды погребения погибших. Комитет по похоронам жертв большевизма — юнкеров, студентов, курсисток и сестер милосердия — обратился к Собору и просил церковного погребения. Большевики, напротив, бесцерковно, с красными знаменами и революционными песнями, закопали своих сторонников у стен Кремля, на Красной площади. Это было воспринято верующей Москвой и Собором как завершение кошунств над кремлевскими святынями.

«Взяв власть, большевики ни единым жестом не проявили враждебного отношения к Собору, хотя довольно было простого слова их для роспуска. И, конечно, никто бы и пальцем не шевельнул в защиту его», — пишет митрополит Вениамин.

События развивались столь стремительно, что о крестном ходе пришлось всем позабыть. Он будет совершен вокруг Кремля позже, после интронизации Патриарха. Однако сначала нужно было выбрать Патриарха из трех кандидатур, набравших наибольшее количество голосов.

Всенародное торжественное собрание Священного Собора для выборов Патриарха состоялось в соборном Храме Христа Спасителя, как и задумывалось, 5 ноября. Архимандрит Вениамин был сослужащим на Божественной литургии, которую совершали в этот день митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), архиепископ Казанский Иаков (Пятницкий), архиепископ Приморский Евсевий (Никольский), архиепископ Рижский Иоанн (Поммер), архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов), архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе), архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский) и другие святители. Многие из них вскоре погибнут, кто-то окажется в изгнании, кто-то умрет в неизвестности.

После литургии и молебна старец Зосимовой пустыни Алексей (Соловьёв) вынул жребий пред Владимирской иконой Божией Матери, перенесенной из расстрелянного незадолго до того Успенского собора Кремля. Митрополит Киевский Владимир, приняв записку, огласил имя избранного: *«митрополит Тихон»*.

21 ноября, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, состоялось наставление (интронизация) *«Святейшего Патриарха великого града Москвы и всея России»*. Несмотря на то, что Кремль и весь центр Москвы были оцеплены вооруженными людьми и повсюду еще были видны следы сражений, торжественное событие происходило в Успенском соборе Кремля. На нем присутствовали члены Священного Собора, допускавшиеся по особым билетам; за стенами Кремля Святейшего Патриарха приветствовал православный народ Москвы. Пение сторонниками большевиков революционного марша *«Вы жертвою пали...»* и звуки *«Марсельезы»* в момент выезда Патриарха из Спасских ворот не могли умалить торжественности этого дня. Уже на следующий день после интронизации Патриарх прибыл в Соборную палату и преподал благословение всем членам Собора.

«Что же заставило нас, большинство, стоять за патриаршество? — пишет владыка Вениамин. — Думаю и вспоминаю теперь, что не речи, не доводы умных ораторов побудили нас отстаивать его, а дух. Речи же были только выражением наших сердечных настроений и желаний. <...> А еще нам хотелось, чтобы он был не пустой пешкой, а обладал бы, был наделен полнотой власти. Пусть выше его — общий Собор духовенства и мирян, но во время управления (между Соборами) Патриарх есть сила, иначе незачем было бы иметь его, и подотчетность Собору лишь вносила бы контроль в единство со всеми, но не ослабляла организующего творческого его права и отеческого руководства». Восстановление патриаршества предстало перед членами Собора как повелительное требование канонов, как необходимость исполнения религиозных чаяний православного народа, как веление времени.

Владыка продолжает: *«Восстановление патриаршества было тоже своего рода переворотом, который уничтожил прежний синодальный двухвековой период и возвращал жизнь Церкви к ее многовековым устоям: быть главе над церковным обществом! И этому содействовала революция тем, что развязала руки Церкви сделать нужное ей дело без помехи царской власти. Вот странный исторический парадокс: безрелигиозное революционное движение помогает лучше организовать церковному обществу, дав ему свободу самостоятельности, чего не хотели давать цари. Такова первая существенная связь патриаршества и революции. Вторая же вызывалась временным разрушительным свойством всякой революции — анархией. Мы настолько ясно чувствовали все опасности и зло этой стороны революции, что у нас еще сильнее обострилось желание твердой организации, упорядоченности. Это понятно. Нам хотелось власти!»*

К концу первой сессии Собор начал рассмотрение важного доклада Отдела о епархиальном управлении. Однако закончить рассмотрение его на Соборе не удалось из-за недостатка времени. Между тем многие члены Собора считали епархиальный вопрос важнейшим. Архимандрит Вениамин полагал, что он даже важнее вопроса о Патриархе.

«На следующем месте, по важности дела, — продолжает владыка, — нужно поставить участие мирян в церковном управлении, начиная с Высшего Церковного Совета при Патриархе и кончая епархиальными собраниями, епархиальным советом, а также приходскими организациями. Это было великой новостью в церковной жизни. Особенно сильно это отразилось в простых приходах, где большинство членов в советах было из мирян. И это имело чрезвычайно благотворное значение: во время продолжающейся революции эти миряне не только спасли веру и Церковь, но и беззащитное духовенство. И можно сказать, эти церковные миряне, вслед за лучшими духовными руководителями, вынесли веру и Церковь на своих плечах».

На последнем заседании первой сессии 9 декабря соборяне подвели промежуточные итоги работы и заслушали краткие отчеты о работе отделов Собора. После благодарственного молебна на все оставшиеся члены Собора разъехались по домам, чтобы собраться уже в новом, 1918 году.

К святкам 1918 года, во время перерыва Собора, архимандрит Вениамин прибыл в Крым. Еще 18 ноября 1917 года на педагогическом собрании Таврической духовной семинарии было принято решение о прекращении занятий до 5 февраля 1918 года. Но и здесь для архимандрита Вениамина нашлось дело. Он был избран делегатом на Всеукраинский Собор от Крыма по трем куриям в качестве представителя духовно-учебных заведений, монастырей и как заместитель епархиального архиерея и вскоре направился в Киев для участия в первой сессии Всеукраинского Собора.

Всеукраинский Церковный Собор в Киеве

С ходом революции на Украине усилилось национальное движение. После захвата власти большевиками в Петербурге и Москве 7 ноября 1917 года здесь была провозглашена Украинская народная республика и на повестку дня были вынесены идеи церковной автокефалии. В числе важнейших вопросов церковной жизни Украины назывался вопрос об отношении к новоизбранному Патриарху Тихону и, в частности, выдвигалось даже требование запретить его церковное поминание на Украине.

В конце декабря 1917 — начале января 1918 года в украинских епархиях прошли выборы делегатов на Собор. Они были двухстепенными: по селам и потом лишь по уездным городам. *«Благодаря этому, — пишет владыка, — не смогли пропустить "селяков" и заменить их интеллигентами (как это случилось с Московским Собором при трехстепенных выборах). И Киев наполнился делегатами от земли, "дядьками", как обычно называли приятельски украинцев крестьян. Это придало удивительно народный, "мужицкий" характер Украинскому Собору и, можно сказать, спасло все дело...»*

Ввиду поспешности, с которой был организован Всеукраинский Собор, его программа не была разработана и вопросы формулировались в ходе заседаний. В отличие от Всероссийского Собора, Всеукраинский, по выражению архимандрита Вениамина, был *«делом не церковной нужды, а политической игрой»*. Несмотря на это, он стал одним из самых активных участников этого Собора и последовательно отстаивал позицию канонической целостности Украинской Церкви. Архимандрит Вениамин открыто выступил против церковного сепаратизма, находившего поддержку у Церковной Рады, организованной в конце ноября на Киевском епархиальном съезде. *«Да у них и цель-то была не церковная, а исключительно политическо-национальная, притом шовинистическая, крайняя. "Прочь от Москвы!" И как можно дальше! — добавляет он. — Для них не существовало истории, не было кровного братства. Не говорю уже о вере, о Церкви. Была только шумная, бешеная вражда против великороссов, "москалив"»*.

Впоследствии владыка Вениамин вспоминал, что наступление большевиков способствовало тому, что попытки добиться на Соборе принятия решения об автокефалии Украинской Церкви так и не увенчались успехом. 23 января 1918 года, когда войска большевиков подошли к Киеву, Всеукраинский Собор завершал свою первую сессию. В итоге было решено обсудить вопрос о целесообразности украинизации и автокефалии Церкви на епархиальных съездах в период с января по май 1918 года.

13 февраля митрополит Харьковский и Ахтырский Антоний (Храповицкий) доложил Всероссийскому Поместному Собору о работе первой сессии Собора на Украине и об убийстве митрополита Владимира (Богоявленского), дав Всеукраинскому Собору резко негативную характеристику. Вскоре из Киева в Москву прибыли и другие члены Всероссийского Собора, которые принимали участие в первой сессии Всеукраинского Собора. В пятницу, 2 марта 1918

года, в актовом зале Московской духовной семинарии архимандрит Вениамин и протоиерей Константин Аггеев сделали особые доклады о событиях на Украине для делегатов Поместного Собора. Краткое содержание этих докладов было тогда же опубликовано в Прибавлении к «Церковным ведомостям».

Главная мысль архимандрита Вениамина заключалась в том, что Всеукраинский Собор был глубоко политизирован и политические события чрезвычайно сильно отражались на настроении его участников. Если в начале Собора нельзя было ничего сказать против автокефалии Украинской Церкви, то с наступлением на Киев большевиков общее настроение поменялось и попытки добиться на Соборе принятия решения об автокефалии Украинской Церкви так и не увенчались успехом. Главное же было в том, что избранный Всероссийский Патриарх в глазах участников Всеукраинского Собора имел гораздо больший авторитет, чем сам Всероссийский Собор. Архимандрит Вениамин был убежден, что на разрыв с Патриархом не пошли бы даже украинофилы.

Тем временем большевики взяли власть и в Крыму. 15 февраля 1918 года, в отсутствие ректора Таврической духовной семинарии, педсовет семинарии, согласно декрету № 2 Комиссариата народного просвещения Симферополя, учредил педагогический комитет Таврической духовной семинарии. А 6 марта 1918 года на заседании комитета было заслушано Постановление Комиссариата о закрытии духовной семинарии и духовных училищ. Впрочем, Комиссариат удовлетворил просьбу совета о возможности завершить учебный год при условии изъятия из курса богословских наук. 22 апреля 1918 года Симферополь был занят германскими войсками. Все постановления большевиков были отменены, и ректором семинарии вновь был назначен архимандрит Вениамин.

В конце июня — начале июля 1918 года проходила вторая сессия Всеукраинского Собора. Здесь бывшие члены Церковной рады попытались изгнать архимандрита Вениамина с Собора, так как считали его одним из наиболее опасных противников автокефалии. Они оспарили мандат архимандрита как представителя архиепископа Таврического Димитрия (Абашидзе). Однако большинством голосов его полномочия были признаны действительными. Более того, члены Собора усомнились в законности полномочий делегатов от нецерковных учреждений, по большей части приверженцев Церковной рады. В результате мандаты значительной группы сторонников автокефалии были аннулированы. После этого работа пошла слаженнее. Был разработан проект об «автономии» церковного управления на Украине со своим Синодом, со своими Соборами, но с подчинением Всероссийскому Патриарху. Большинство соборян проголосовало «за» Патриарха, а не за «самостийную» автокефальную украинскую церковь. *«И этому можно было радоваться не только с церковной стороны, — вспоминает владыка, — но и с политико-социальной. Так дело, начатое шесть месяцев тому назад с явной разрушительно-разделительной целью, кончается блестящим единством! Какое чудо истории!»*

Вызвали архимандрита Вениамина и на третью, осеннюю сессию Всеукраинского Собора. Здесь он возглавил монастырскую комиссию. Однако недоумевал, зачем нужно было в столь сложных политических условиях проводить еще одну сессию. Он вспоминал: *«Вдруг в ноябре нас зовут на третью сессию. Я теперь уже не помню, какой именно был исключительный повод, чтобы собирать нас в третий раз в такое трудное время. Неужели мы не все кончили в июне-июле? Или тут были снова свои политические мотивы?»* А время наступало действительно трудное. Уже зимой 1918 года в Москве и Петрограде ощутили голод, разруха чувствовалась по всей бывшей Российской империи.

Вторая сессия Всероссийского Поместного Собора: вопросы о церковном браке и духовных школах

Вторая сессия заседаний Поместного Собора проходила с 20 января по 7 (20) апреля 1918 года. К этому времени стало ясно, что большевики в своей деятельности последовательно придерживаются антицерковной политики. Перед самым началом заседаний, 19 января (ст. ст.), Святейший Патриарх Тихон издал Воззвание, в котором грозно обличал гонителей Церкви: *«...гонения воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани»*. Воззвание обращалось к верным: *«Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение»*. Это Воззвание имело своей целью призвать православных к защите Церкви, но не призывать их к борьбе с большевиками, как позже хотели это представить последние. Воззвание или послание Патриарха Тихона «Об анафематствовании творящих беззаконие и гонителей веры и Церкви Православной» было намеренно опубликовано до начала заседаний Собора, чтобы уберечь его от возможных репрессивных мер со стороны новой власти.

Однако 22 января Собор принял отдельное постановление с одобрением Возвания и призывом *«объединиться ныне вокруг Патриарха, дабы не дать на поругание веры нашей»*. Чтобы обезопасить патриарший престол, Собор 25 января принял резолюцию, которой Патриарху поручалось назвать имена трех лиц, могущих стать Патриаршими Местоблюстителями в случае его смерти до выборов нового Патриарха; имена должны были держаться в тайне и быть оглашены в случае невозможности для Патриарха исполнять свои обязанности. В будущем эта практика будет широко использована и значительно усложнит высшее церковное управление.

Во вторую сессию Собора архимандрит Вениамин принимал активное участие в работе нескольких отделов. В марте-апреле 1918 года жаркая дискуссия развернулась в отделе о церковном суде по докладу «О поводах к расторжению церковных браков». Эта тема мало кого оставляла равнодушным, так как раньше вопрос браков и разводов регулировался не только и не столько Церковью, сколько государством. По сути, поводом к разводу могло быть только прелюбодеяние и неизвестное отсутствие супруга. В остальных случаях получить развод было крайне затруднительно.

Большинство членов отдела и юристы считали, что обстоятельства жизни требуют расширения числа поводов к разводам. Противники же, прежде всего крестьяне и миссионеры, считали, что развод противоречит Евангелию и в случае умножения поводов к разводу произойдет нравственный распад деревни. Обсуждение вопроса затянулось на десять заседаний.

Архимандрит Вениамин обращал внимание соборян на то, что у интеллигентов сложился свой взгляд на брак, а у народа — свой. И Собор не должен забывать о простых людях. *«Крестьян <...> здесь, на Соборе, мало, — говорил он. — Наш Собор интеллигентный, но с ними (крестьянами) надо считаться, они представители многомиллионной массы. Если бы мы были последовательны, то надо бы иметь два законодательства: одно для интеллигенции, другое для народа. Но это невозможно. Что же делать? <...> Чтобы не толкнуть народ в искушение к разводам, мы должны быть особенно осторожны. Я боюсь, как бы послаблением Собор не толкнул народ на путь греха <...>. Если Собор пойдет по пути послабления, то он может подействовать разложению народа, так как прежде у народа поводов к разложению было очень мало. Особенно повинны будут епископы»*.

В законопроекте в качестве одного из поводов к разводу указывалось «отвращение» супругов друг к другу. Архимандрит Вениамин близко принял к сердцу этот вопрос и даже вынес его на обсуждение в общем заседании Собора. Он говорил: *«Никто так не бывает*

близко друг к другу, как муж и жена. Они должны помогать во всем ко спасению друг друга, а здесь дается не повод к такой помощи, а наоборот. Мы не должны забывать, что в духовной жизни не все так просто, как кажется с первого раза. Отвращение может происходить и происходит не по тем только причинам, а почти всегда здесь действует враг рода человеческого, который ходит как лев иский кого поглотить. Он пользуется поводом, чтобы разрушить любовь между людьми. И действительно, это отвращение может быть доведено до непреодолимости, но непреодолимость только с точки зрения человеческой, а с точки зрения благодати Божией нет ничего непреодолимого. Если нельзя говорить о безусловной непреодолимости и по отношению к физическим болезням, то в духовном смысле на точку зрения непреодолимости не может стать Священный Собор. Мы верим в благодать Божию». Далее он говорил: «Я могу сообщить о двух случаях. Мне известен один случай такого сильнейшего отвращения и ненависти между супругами, длившихся целые годы. Оно доходило до того, что жена держала около себя постоянно топор и говорила мужу, что если прикоснешься ко мне, то конец твоей жизни. Но по благодати Божией все это прошло, и муж и жена зажили между собою дружно. Жена стала говорить про своего мужа, что он терпеливец и страдалец. Я, говорила она, приготовила две проповеди на смерть свою и своего мужа. Про свою проповедь я не буду говорить, а про него скажу, что он всю жизнь был терпеливец и страдалец. Это я рассказываю про моих родителей — отца и мать. Они теперь, благодарение Богу, живут дружно, свято. Если бы не было благодати Божией, то что же это была бы за жизнь в супружестве? Здесь во время перерыва заседаний один священник говорил, что он двадцать раз должен был бы развестись с супругой. Вот и еще другой случай. Один о[тец] диакон в течение 18 лет страдал психическим расстройством, бил и гнал из дому детей, терзал жену, делал неприличные, отвратительные поступки, но его жена диаconiца, святая женищина, никогда не решалась на то, чтобы отвернуться от мужа, разорвать связь с ним. И тяжело, и больно, говорила она, но до конца понесу крест Господень, чтобы не брать на себя вины развода».

Архимандрит Вениамин еще и еще раз напоминал, что Церковь относится к браку как к таинству: что Господь соединил, того человек не может разъединить (Мф. 19, 6). И апостол Павел говорит, что Бог сочетал, того не могут разлучить «ни человек, ни иная какая-либо тварь, ни ангелы, ни начала, ни власти» (Рим. 8, 38—39). Брак свят и его надо стараться сохранять, а не умножать поводов к его уничтожению. Но у значительной части соборян в отделе был свой взгляд на этот вопрос.

Окончательно текст доклада был принят 8 апреля 1918 года на 114-м заседании Собора. В то же самое время в высший орган Собора — Совещание епископов, который имел право вето, архимандритом Вениамином за подписью еще 32-х членов Собора было направлено заявление-протест. Вот как об этом вспоминал он сам: «Достойно внимания решение Собора об облегчении и умножении поводов к брачным разводам, что защищали интеллигенты, но против чего протестовали письменно члены Собора — крестьяне. Это очень характерно! Здесь сказывалась крепость брака среди народа, и можно предвидеть, что простые люди недолго увлекутся "свободной любовью", а возвратятся к прочим здоровым формам единобрачия, как и случилось... Между прочим, эта группа (почти всех) крестьян при подаче письменного заявления-протеста выбрала меня своим лидером, вспоминать об этом мне отрадно и теперь: народ всегда чувствовал доверие ко мне...»

19 апреля стало известно, что Совещание епископов отвергло первоначальный проект о поводах к расторжению брака по ряду пунктов и направило его на доработку. В августе было заявлено, что отдел согласился с мнением Совещания епископов отвергнуть, например, такие поводы к расторжению брака, как алкоголизм, нанесение постоянных оскорблений, однако настаивал на сохранении как повода к разводу неизлечимой душевной болезни и злонамеренного оставления. Доработанный доклад был рассмотрен и принят Совещанием в начале сентября 1918 года. И все же «Собор не послушал селян, — вспоминает потом владыка Вениа-

мин, — остался при принятом решении о более легких разводах. А политическая власть дала полную свободу в брачных делах».

Другой важный вопрос, в обсуждении которого он принял участие, касался духовного образования. Будучи тесно связан с духовной школой, архимандрит Вениамин отчетливо видел ее недостатки. *«В семинарию или совсем не для того, чтобы потом служить в Церкви, а потому, что это был более дешевый способ обучения детей духовенства»*, — вспоминал он. Духовные училища и семинарии представляли собой учебные заведения закрытого типа, с казарменной, бездушной дисциплиной, и дети священно-церковнослужителей, за редким исключением, учились в них неохотно. *«И нам, начальникам, становилось все труднее и труднее держать дисциплину, а еще более религиозный дух. Приходилось мириться, смотреть сквозь пальцы, страдать и за них, и от них»*, — продолжает владыка.

Главной проблемой семинарии было то, что она не оправдывала свое название — «духовная». Духовной жизни семинария не учила и ее не давала. На Соборе архимандрит Вениамин открыто заявлял: *«Я, как ректор семинарии и как бывший семинарист, утверждаю, что семинария не только не развивает веру, не только не способствует духовному опыту, но, как это ни печально, но это факт, — она ослабляет веру, простоту веры в силу Божию, с которой туда приходят, она, если хотите, убивает живой дух. Это мое глубокое убеждение и не мои только слова, а слова [некоего] проповедника, который умирал при том убеждении, что исцеления в наших семинариях не может быть»*.

Диагноз, который архимандрит Вениамин ставил дореволюционной духовной школе, был аналогичен тому, что наблюдалось им и в современной жизни Церкви. Как в отделе о проповедничестве, в отделе о церковной дисциплине, так и в отделе о духовных школах он постоянно говорил о том, что нужно больше внимания обращать не на внешнюю сторону, а на внутреннюю, на духовную составляющую жизни Церкви. Не тот проповедник, который обладает большими знаниями и красноречием, трогает сердца слушателей, а тот, кто сам не понаслышке знает, о чем говорит. Кто старается всей своей жизнью подтверждать собственные слова, сказанные с амвона. Кто живет или, по крайней мере, стремится жить духовной жизнью, тот и имеет силу проповеди.

Даже формулировку отдела о проповедничестве о том, что проповедь является «главнейшей обязанностью пастырского служения» архимандрит Вениамин поправлял. *«Пастырь Церкви есть прежде всего совершитель таинств, и это — его главная обязанность. <...> Народ почитает в священнике прежде всего не оратора, а молитвенника. Вот почему ему и дорог о. Иоанн Кронштадтский, как дороги и другие наиболее известные молитвенники пред Богом. Вот почему даже в том случае, когда батюшка в ответ на просьбу о молитве говорит: "Я плохо молюсь", народ все-таки просит: "Помоли́тесь за нас, а мы помолимся за тебя". Проповедь среди пастырских обязанностей в сознании народа стоит только на третьем месте. Где батюшка усердно молится и вообще хорош для народа, там последний и не требует от него ораторских речей»*.

«Беда заключается в том, — продолжал архимандрит Вениамин, — что действительный Христос затемнен в жизни, в людях, и не только в мирянах, а и в нас — благовестниках, пастырях и учителях. Я знал 50-летнего священника, и он пред смертью с болью в сердце говорил, что не мог вполне отрешиться от скептицизма и маловерия, которое к нему было привито в школе. И вот в нас веры мало, веры в то, что мы проповедуем. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в проповедях говорится: не пей, не кури, а мало говорится о Христе, о благодати Божией, духовной жизни. Совершенно понятно, почему это так. У наших семинаристов и у нас много недостатков, но не замечается одного недостатка: мы не хотим быть ханжами. И вот мы боимся высказывать то, что не глубоко проникло в душу, и когда думаем произнести проповедь, говорим о том, что нужно быть трезвыми, не убивать

и т. п.; это религиозных людей не удовлетворяет, но нам просто стыдно, и мы мало говорим о Христе, благодати Божией, духовной жизни».

Упадок духовной жизни, несомненно, явился одним из следствий революции. Летом 1917 года из разных уголков России приходили известия о снятии с себя сана тех или иных священно-церковнослужителей. В некоторых случаях причиной была поддержка революционных изменений. Однако многие из сочувствующих революции при этом оставались в Церкви. Еще в сентябре 1917 года, анализируя причины и последствия произошедшего, архимандрит Вениамин в отделе о церковной дисциплине говорил: *«Два результата всякой революции, особенно же социальной: а) отодвигает религиозные ценности на задний план и б) повышает худые стороны души: гордость, плотскость. ("Царя нет, теперь мы все цари" — слова мастерового.) Это, в свою очередь, вызывает ответную борьбу со стороны христиан, действительно дорожащих своей духовной жизнью. И я утверждаю, что это контрдвижение назревает. Начинают объединяться люди на почве исключительно религиозной: организуются братства действительно единомышленников церковных людей. Все это видно и на <...> отношении к вопросу об отделении Церкви от государства:*

а) само государство (правительство) стало на внерелигиозную, гуманитарную, языческую сторону;

б) другие не хотят отделения;

в) а третьи (характерно, что так думали и многие искренно религиозные, духовные люди) — за отделение Церкви от государства, чтобы уже резче провести грань, и чтобы усилилась жизнь подлинно религиозных людей.

Обобщая все это, я высказываю положение: теперь уже не одна Церковь, а, так сказать, Церковь в Церкви, т. е. истинная, подлинная Церковь, действительно живущая во Христе, среди "отступающей", или "внешней", Церкви.

Но, как мне кажется, момент обособления еще не наступил. Сейчас же время брожения, а, следовательно, пока приходится жить в мучительном компромиссе. Но наступит и явное выделение Церкви истинной. Кажется, сейчас мы доживаем период Сардийской церкви, признаки которой — увлечение материальной культурой (ты думаешь, что богат материально, а в самом деле — беден духовно) и внешнее христианство; а за ним — предпоследний, филадельфийский период, когда подлинная Церковь будет явно немногочисленна и выделится из "Вавилона".

Что же делать теперь Церковному Собору? Это страшный вопрос. Одному лишь Господу Богу все возможно. И, кажется, только великими скорбями Он повелит выйти своей Церкви из сего. И только тогда возможно будет ей жить в чистоте и духовной энергии».

Вот с этой обновленной энергией, в чистоте, архимандрит Вениамин призывал создать новые духовные школы, которые должны будут воспитывать подлинных носителей духа. Он выступал за разделение общего и специального образования и создание так называемых все-сословных богословско-пастырских курсов.

Идея эта была не нова. Незадолго до того похожий проект преобразования духовных школ предлагал бывший ректор Тамбовской духовной семинарии и Московской духовной академии архимандрит Феодор (Поздеевский). Схожих настроений были митрополит Антоний (Храповицкий) и митрополит Евлогий (Георгиевский). Создание все-сословных богословско-пастырских курсов позволило бы решить проблему недостатка образованных кандидатов в священство. Но, главное, туда будут идти не по нужде, а по призванию.

Свой проект школьной реформы архимандрит Вениамин озвучивал на первых заседаниях отдела о духовных школах еще в сентябре 1917 года. Подавляющее большинство членов тогда проголосовало за проект протоиерея Константина Аггеева, согласно которому на некоторое неопределенное время общеобразовательные и богословские классы семинарии составили бы единое учебное заведение. Хотя в начале доклада и было объявлено о необходимости

сти их разделения в будущем. В конце осени данный проект был передан на рассмотрение в Соборный Совет. Однако заслушан он был его членами только 13 (26) и 15 (28) марта 1918 года. К тому времени бедственное положение духовных школ сменилось и вовсе их полным закрытием по распоряжению новой власти.

20 февраля архимандрит Вениамин призвал отдел к разработке вопроса о пастырской школе в подотделе, а 23 февраля предложил перейти к его обсуждению на общих заседаниях отдела. 27 февраля председатель отдела епископ Иоанн (Смирнов) предложил перейти к обсуждению вопроса о пастырской школе, а архимандрит Вениамин и протоиерей Константин Аггеев зачитали свои доклады: «О пастырской школе» и «О положении учебного дела в Церкви в 1918—1919 гг.». Это открыло в отделе новый виток напряженных дискуссий о типе духовных школ, продолжавшихся в течение почти всего марта.

Архимандрит Вениамин настаивал на разделении общего и специального образования. По заданию отдела ему было поручено подготовить по этому вопросу доклад. 26 марта (8 апреля) Соборный Совет постановил напечатать доклад в новой редакции вместе с отдельным мнением и включить в повестку Собора. Обсуждение доклада на общем заседании состоялось через неделю с 2 (15) по 6 (19) апреля. Собор постановил, во-первых, *«оставить духовные семинарии и училища в существующем виде с необходимыми изменениями»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.